

Андрей Чернов

**ТИХИЙ ДОН ФЕДОРА КРЮКОВА:
ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ**

Федор Крюков. Фото 1918 г.

*СПБ
2023*

1918 г. Войсковой круг. Делегация хоперцев с атаманом Красновым и Крюковым

«В одном месте едва не опрокинулись: попали на каменное заграждение, образовавшее порог. Быстрым потоком бросило нас на камень, повернуло лодку бортом поперек стремени, и „Энэс“ едва не хлебнул водицы. Но... „упором“ выровнялись, снялись и благополучно вынеслись в безопасное русло. После этого стали бояться уже не мелей, а крутых загибов реки...»

Федор Крюков. Мельком. Впечатление проезжего. 1914 г.

1. ГОМЕР ЗИПУННОГО РЫЦАРСТВА¹

Если спросить, в каком произведении русской литературы фигурирует участвующий в московской карательной экспедиции против донского казачества, но прощенный восставшими станичниками казак Григорий М., (у которого «бронзовое лицо с острым, ястребиным носом») и сбежавшая от нелюбимого красавица-казачка Аксинья, вряд ли кто из русских читателей замешкается с ответом. Меж тем речь не о «Тихом Доне», а о «Шульгинской расправе» молодого писателя Федора Крюкова, рассказе, опубликованном в октябрьской книжке «Исторического вестник» за 1894 г. (с. 653–677). Только фамилия казака не Мелехов, а Машлыкин, а Аксинья – любовница полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого, которого убивает атаман Кондратий Булавин.

Какую же песню поют шульгинские казаки перед восстанием?

Ой, да чем наша славная земелюшка распахана...
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана не плугами
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами
А засеяна славная земелюшка казацкими головами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Чем-то в славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими-материнными слезами...

Эта песня несколько раз мелькнет в прозе Крюкова и в конце концов станет эпиграфом к «Тихому Дону».

Первый опубликованный его рассказ был посвящен казакам времен Петра Великого². Автору 22 года. Он лишь примеряется к теме покорения Дона воеводами Петра. Но в тех же 1890-х именно ей будет посвящена и «Шульгинская расправа», и документальное исследование «Булавинский бунт».

---

¹ Эти заметки подготовлены на основе моего доклада «Федор Крюков. Запрещенный классик», прочитанного 14 февраля 2020 г. на Первых Крюковских чтениях в ИРЛИ РАН, состоявшихся в честь 150-летней годовщины со дня рождения писателя. Программа чтений здесь:

<https://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2020/02/Kryukovskie-chteniya-Programma.pdf>

Видеозапись размещена на сайте Пушкинского Дома и на моем интернет-портале. См. раздел: «Проза и публицистика Ф. Д. Крюкова на 'Несториане'. Разыскания о писателе и его текстах, свидетельства и архивные материалы»:

https://nestoriana.wordpress.com/2019/02/17/krjukov_na_nestoriane/

См. также наш с Наталией Введенской сайт: Федор Крюков. Неполное собрание сочинений

<http://fedor-krjukov.narod.ru/index.htm>

² «Гулебщики. Очерк из быта стародавнего казачества» // «Исторический вестник». Т. L. 1892. № 10. Октябрь. С. 53–73. Рассказ подписан псевдонимом: *А. Березинцев*.

До нового исторического витка рассказывания (т. е. геноцида), который и станет главной темой «Тихого Дона», еще более четверти века. Но в «Гулебщиках» писатель нащупал главное – авторскую интонацию.

Идиостиль – индивидуальный стиль пишущего, а интонация – волшебный ключ к идиостилю писателя.

О том, как относился донской писатель Серафимович к своему земляку и младшему собрату, говорят строки его письма (28 апреля 1912 г. Новочеркасск):

«Вы завидуете, как я пишу. А я завидую, Федор Дмитриевич, Вам. Это я серьезно. Я беру явления несколько шире Вас, может быть, несколько глубже. Но все это от литературы, все это надумано, придумано, все это дохлое и только для виду ворочается, обманывая. У Вас же, если круг захватываемый и уже, зато это трепещет красками, звуками, движением, и все это – настоящее, все это трепещет живое, как выдернутая из воды рыба, все это, если бы Вы и хотели придумать, так не придумаете, а это прет из Вас, как из роженицы. И если бы эту Вашу способность рожать углубить, уширить, Вы бы огромный писатель были...»³.

Крюкова нахваливал Максим Горький, им зачитывался Короленко. На Дону называли его и «совестью казачества», и «Гомером казачества».

А ведь публиковался он чаще всего под псевдонимами. Их было не менее семи: А. Березинцев; А. Б-цев; А. Б.; Ф. Кр.; Ф. К.; И. Гордеев; Ив. Гордеев.

Темы брал сугубо *региональные*... Ни славы, ни прибытку. И кому после 1905 г. хотелось читать про донских казаков, если по всей России само слово «казак» ассоциировалось со свистом нагайки?

В народническом журнале «Русское богатство» он был соредактором Короленко по отделу прозы. Раскладывал костры. Огонь должен был упасть с неба.

Так и остался бы Федор Крюков прекрасным провинциальным бытописателем и «первым певцом Тихого Дона», если б не тот огонь. Только не небесный, а земной, рукотворный, вонючий, опаливший полмира и пожравший дотла все, что этот писатель так любил – и Россию, и родную его Донщину.

---

³ Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем / Вступительная статья, подготовка текста и комментарий В. М. Проскурина // Журнал «Волга». 1988. № 2. С. 149. Оригинал письма: Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 14. Оп. 2. Дело 78.

И практически теми же словами через четырнадцать лет Серафимович напутствует «Донские рассказы» Шолохова: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды. Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшие. Все данные за то, что т. Шолохов развертывается в ценного писателя, — только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться».

В прозе и публицистике Крюкова многократно мелькает выражение «зипунный рыцарь» и «зипунное рыцарство», иногда «рыцарь в зипуне» – контаминация донского выражения *зипуны добывать* (ходить за военной добычей) и формулы Белинского «азиатское рыцарство, известное под именем удалого казачества»⁴. Белинский же идет от Гоголя, который устами Тараса Бульбы говорит сыновьям о защите «чести лыцарской» и веры Христовой. Впервые у Крюкова в «Булавинском бунте» (1890-е; при жизни не опубликовано): «... в сознании простых серых, зипунных рыцарей». Но встречается и пафосное: «Донские рыцари! Сыны родного Дона!» («За Тихий Дон вперед!»).

Ср.: «казаки, рыцари земли Русской!» (4, XVII, 166).

О казацком «рыцарстве» Федор Крюков будет говорить 13 июня в 1906 г. в Государственной Думе:

«Правительство, как говорил предшествующий оратор, сделало все для того, чтобы стереть память о тех отдаленных временах *своеобразной рыцарской отваги*, гордой независимости, но слабый отзвук утраченной свободы прозвучит иногда для казака в его старинной песне, и задрожит казацкое сердце от горькой тоски по дедовской воле. Там, в прошлом, для казака было много бесконечно дорогого, там была полная, свободная жизнь широкой удали, была та совокупность прав личности, которых добивается теперь русский народ. Этим ли не дорожить?»⁵.

Вариации на эту тему у Крюкова многократны: «...о древнем казацком рыцарстве» («Шквал». 1909); зипунный рыцарь; зипунное рыцарство; рыцарь в зипуне («Ползком», 1916; «В углу». 1918). Так и в его текстах времен гражданской войны: «В гостях у товарища Миронова», «Край родной», «М. П. Богаевский», «Старший брат и младший брат», «Войсковой круг», «Единое на потребу».

«Я любил Россию – всю, в целом, великую, несуразную, богатую противоречиями, непостижимую. «Могучую и бессильную»... Я болел её болью, радовался её редкими радостями, гордился гордостью, горел её жгучим стыдом... Но самые заветные, самые цепкие и прочные нити моего сердца были прикреплены к этому вот серому уголку, к краю, где я родился и вырос. Я так был горд его прошлым, которое мне представлялось в романтическом освещении вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины» (Крюков. «Выборы на Дону». 1916);

«...думалось, что казак нынешний есть подлинно казак – тот казак, с именем которого связывалось представление о рыцаре в зипуне» («В углу». 1918); «...над всем тем прологом к героическому сказанию жизни, от которого веет седой стариной зипунных рыцарей» («В гостях у товарища Миронова». 1919); «в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых» («Край родной»).

В рассказе «Ползком» (1916), последней своей малой прозе, Крюков пишет:

«В этом наименовании «лыцарьями», т.е. рыцарями, людей в зипунах и поршнях, спешивших посещать не по таксе, а по собственному приговору, была едкая ирония».

А вот в последней его газетной заметке:

---

⁴ Белинский В. Г. «Отечественные записки», 1841. Т. XVI. Библиографическая хроника, с. 32–34.

⁵ Крюков Ф. Д. Речь на заседании Первой Государственной Думы. // Государственная Дума: Стенографические отчеты. – СПб., 1906. Т. II. С. 1311–1316.

«Вперед на врага, переступившего наш родной порог. Мы вчера имели высокую радость слышать на совещании членов Круга этот мужественный зов простого зипунного рыцаря» «Единое на потребу» (21 декабря 1919): Сравним: «Так же уверенно вел он политическую игру, как и вначале, и так же натыкался на простую, зипунную броню подтелковских ответов» (ТД: 5, X, 249); «Нелепый вид зипунного офицера развеселил Григория» (ТД: 7, XIX, 184).

В НКРЯ ссылка только на такой пассаж: «Казачи – подлинныи донские “рыцари”» [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XVI–XVII вв.) (1938)].

Меткое слово становится метой времени: выражение «зипунныи рыцари» Петр Краснов использует в очерке «Казачья „Самостийность“» (1922): «Зипунныи рыцари ударили на поляков и погнали их от Москвы»⁶. Одним из этих рыцарей ощущал себя и Федор Крюков. Он в начале XX века и задумал свою «Казачью Илиаду».

В «Шульгинской расправе» легко обнаружить стилистические и ситуационныи параллели к роману. О рыбалке:

«– Ловится рыба-то? – спросил Ефрем.
– Да разно... Глядя по погоде, – отвечал есаул: –под ущерб месяца так вовсе плохо идет» (Крюков. «Шульгинская расправа»).

«– Не будет дела... Месяц на ущербе» (ТД: 1/6).

Кондратий Булавин убивает князя Долгорукого:

«– Ах, ты... – хрипя и падая, произносит последнее ругательство князь и бьется на полу, судорожно царапая руками» (Крюков. «Шульгинская расправа»).

Григорий Мелехов убивает австрийца:

«Удар настолько был силен, что пика, пронизав вскочившего на ноги австрийца, до половины древка вошла в него. Григорий не успел, нанеся удар, выдернуть ее и, под тяжестью оседавшего тела, ронял, чувствуя на ней трепет и судороги, видя, как австриец, весь переломившись назад (виднелся лишь острый небритый клин подбородка), перебирает, царапает скрюченными пальцами древку» (ТД: 3, V, 274).

Резня и пьянка после:

«– Эх, жирный черт этот немец разъелся!» (Крюков. «Шульгинская расправа»).

«– Разъелся на казенных харчах, нажрал калкан, ишь! Вставай, ляда, иди немцев карауль!» (ТД: 3, VIII, 292).

«По приказу Григория, сто сорок семь порубленных красноармейцев жители Каргинской и Архиповки крючьями и баграми стащили в одну яму, мелко зарыли возле Забурунного» (ТД: 6, XLI, 269).

К утру за станицей были уже готовы две огромные ямы. Тела убитых сваливали на повозки и везли туда (Крюков. «Шульгинская расправа»).

«Казачи зарыли убитых и начали гулять» (Крюков. «Шульгинская расправа»).

«– Гулять хочу! – рычал Ермаков и все норовил попробовать шашкой крепость оконных рам» (ТД: 6, XLI, 272).

Ветер история вернется на круги своя. Сюжет «Шульгинской расправы» станет матрицей «Тихого Дона», а детали ее повествования вплетутся в ткань романа.

---

⁶ Краснов П. Н. Казачья «Самостийность» // Двуглавый орел. Берлин, 1922. № 25, 1/14 февраля. С. 1–9. http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0050.shtml

Федор Крюков – едва ли не единственный известный русский писатель, кто дрался с большевиками до последнего. Его подвиг был оценен высшей наградой – запретом не только его сочинений, но и упоминанием самого его имени.

Полемика о том, кто написал «Тихий Дон», продолжается без малого век.

Цель этих моих заметок, не вторгаясь в подробное обсуждение проблемы, как Михаил Шолохов мог использовать текст Федора Крюкова, рассказать о Крюкове и предъявить ряд стилистических маркеров писателя, перекочевавших в текст романа.

Что же известно о писателе Федоре Крюкове?

Начнем со справки, вошедшей в Биографический словарь, изданный к пятидесятилетие Петербургского Историко-филологического института:

ВЫПУСК XXII. КРЮКОВ ФЕДОР ДИМИТРИЕВИЧ, из казаков войска Донского (сын урядника), род. в Глазуновской 2 февраля 1870 г. Среднее образование получил в Усть-Медведицкой гимназии (1880–88 гг.), в которой окончил курс с серебряною медалью. Поступив в Институт в 1888 г., окончил курс по разряду истории и географии. По окончании курса освобожден министром нар. просв. от обязательной службы по министерству согласно прошению, мотивированному поступить в духовное звание. Однако, в следующем году Ф. Д. поступил на педагогическую службу, будучи назначен с 29 сентября 1893 г. и. д. воспитателя пансиона Орловской гимназии. Прослужив в этой должности 7 лет, с 31 августа 1900 г. назначен сверхштатным учителем истории и географии в той же гимназии и ровно через 5 лет (31 авг. 1905 г.) на такую же должность в Нижегородское Владимирское реальное училище. В 1906 г. вышел в отставку, будучи избран в члены Государственной Думы 1-го созыва от казачьего населения Донской области. После роспуска 1-й Думы не возвратился на государственную службу и посвятил себя литературной деятельности, которою занимался и раньше. Ныне состоит одним из редакторов журнала «Русские Записки» (прежде «Русское Богатство») ⁷.

Федор Крюков был сыном казака-хлебороба. Хлеборобом был и его дед Иван Гордеевич Крюков, войсковой старшина, оставивший в наследство сыну Дмитрию «офицерский участок». Дмитрий родился около 1815 г. Дослужился только до урядника. Чин невеликий, унтер-офицерский.

«Ф. Д. К. – среднего роста, полный, с открытым, добрым лицом и очень доброй улыбкой. Изумительны по красоте были глаза, большие, ясные, изумрудного цвета “с их пугающей голубизной”. Говорил тенорком и любил напевать свои любимые песни. Острый на глаз, наблюдательный. Дома звали его пересмешником. Волосы и бородка темно-русые, слегка вились. На лице было много родинок, он, смеясь, говорил, что это – к счастью» ⁸.

---

⁷ Пятидесятилетие Петербургского Историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс Института. Ч. 1: Вып. 1–23. (1871–1893) / Под редакцией В. В. Латышева. Пг. 1917. С. 390–391.

⁸ Макаров А. Г., Макарова С. Э. Цветок–Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001. С. 484.

Так описывает Крюкова Мария Акимовна Асеева, племянница петербургского металлурга Николая Пудовича Асеева, друга и родни Крюкова по материнской линии.

Петербургский исследователь А. А. Заяц сообщает, что после смерти отца в январе 1894 г. Федор Крюков заботился о матери (умерла в 1904, по другим сведениям в 1907-м), брате Александре, незамужних сестрах Авдотье и Марии, а с 1904 или 1905-го о подкинутом приемном сыне Петре. На родине Крюков проводит рождественские и пасхальные каникулы, а также отпускное летнее время, обучает казачат грамоте, создает публичную библиотеку, оказывает юридическую помощь, славится как знаток донских песен и их исполнитель «на подголоске»⁹.

О матери нам расскажет сам Федор Дмитриевич:

«Она коротко знакома и с плугом, и с бороной, и с косой, не говоря уже о вилах и граблях. Она коротко знает обращение с лошадей, быками и коровами. Она стерегла овец. Она ловила рыбу. Она охотилась за утками и дудаками. Она была настоящая казачка. Бывали времена, когда у них в хозяйстве оставались одни женщины, и она работала все работы и дома, и в поле. И в то же время успевала обшить, обмыть, накормить и приласкать детей.

– А батяня где? – спрашивали дети.

– Батяня на войну ушел, – говорила она и рассказывала, как провожала его с высокого кургана, как он махал шапкой, а потом далеко-далеко вынул шашку и видно было, как она сверкала на солнце узкой полоской да еще можно было угадать его по скорому коню.

Шли годы, трудные годы. Заглядывали в гости скарлатина и дифтерит, унесли с собой разновременно восемь казаченков, а в сердце нашей казачки оставили большие рубцы, которые заставляли ее недоумевать перед Тем, Кого люди называют Богом.

Подрастали другие дети. Беззаботно резвились, пробуждаемые ее поцелуем на загон или дома, скакали верхом на хворостине, резали дудки, лазили по деревьям, в дождь бродили по лужам. Потом шутя вступали в работу, гоняли лошадей и быков на водопой, бегали на посылках, подгребали. И чувствовалась полная, радостная жизнь кругом...

Но это была не работа, а игра. Такой работы, какую вынесла она, не хотела она детям. Не хотел ее и отец их.

И вот, после долгих суждений, толков, размышлений, колебаний и страхов они оба решили: детей учить. Хоть бы одним черствым куском питаться, но учить детей...

– Пусть не ходят в темноте, как мы... И пусть скуют себе новое счастье... А мы перебежмся как-нибудь до конца дней своих...

И вот новые заботы посетили ее голову. Она, не знавшая почти грамоты, узнала, что существуют греческий и латинский языки и другие мудреные науки: математика, космография, физика, география, история... Все это часто жужжало в ее ушах и сделалось таким же родным и близким, как коровы, овцы, куры, гуси, индейки... И коротко узнала она дорогу в Усть-Медведицкую гимназию, и те двадцать пять верст, которые разделяли ее станицу от гимназии, она в праздничные дни делала туда и обратно одна и с маленьким ребенком на руках. Она бывала и у директора, и в благодарность за заботы о своих детях приносила ему то махотку сметаны, то ведро вишни, то пару арбузов. И суровый педагог не обижался на эту простоту, принимал эти наивные приношения, о детях ее говорил много лестного и, действительно, заботился о них...

А она продолжала махать косой и, несмотря на надвигающиеся годы и изменяющие силы, она еще больше ушла в работу, чтобы дать детям образование. И дала...»¹⁰

⁹ Заяц А. А. Биография писателя Федора Крюкова // В кн. Федору Крюкову певцу «Тихого Дона». М, 2002. С. 65–79. http://fedor-krjukov.narod.ru/o_KRJUKOVE/bIOGRAFIYA.htm

¹⁰ Михаил Михеев, работавший с архивом Ф. Д. Крюкова в ИМЛИ (крюковские рукописи попали сюда из КГБ при директоре института шолоховеде Ф.Ф. Кузнецова) поделился со мною этой драгоценной выпиской. Текст относится, видимо, к 1911 г. Архив ИМЛИ, фонд 640; на папке печатный штамп: «Государственный архив Ростовской области; № фонда – пусто, описи – пусто; е.х. – «22» (это число вписано чернилами; название же данной е.х. в фонде ИМЛИ: 22. Разные рук-си. – (272+170 лл. – 17 тетрадей) + лл. рук-сей без названия. (лл. 1–111+ 17 чистых): 1-я тетрадь (без заглавия) лл. 1–9; в ученической тетради в линейку, черными, переходящими иногда в бледно-серые чернилами; как будто белой автограф, почти без помарок.

Младший современник писателя вспоминал:

«Отец его был зажиточный, хорошо грамотный, долгое время занимал в станице пост станичного атамана¹¹. Семья Крюковых была небольшая: отец, мать Акулина Алексеевна (Акилина Сухова, казачка с хутора Мосты – А. Ч.), сестры Марья и Авдотья, брат Александр, впоследствии лесничий¹². Вероятно, будучи на должности станичного атамана, Дмитрий Иванович и решил дать сыну Федору образование. Отца я не помню совершенно, но матушку Акулину Алексеевну, которая „души не чаяла в своем Федюшке“, помню отлично; она умерла, когда я учился в Усть-Медведицком духовном училище. Помню, Федор Дмитриевич часто вспоминал фразу одного старика, который говорил ему: „ты теперь, Федор Митрич, осиротел, приедешь из Петербурха домой, как к холодной печке“»¹³.

Доставшийся по наследству от отца земельный пай требовал заботы. И дважды в лето – на пасху и по осени соредактор «Русского богатства» приезжал в Глазуновку помогать семье. Пахал, сеял, жал... К крестьянскому труду он привычен был сызмальства и не считал, что высшее образование обеспечивает свободу от оногo.

Крюков – народник. Не ряженный, подлинный. Известно, что в родной Глазуновке он не только пахал и сеял:

«Мне еще хочется остановиться на спектакле, который как-то на святках Ф. Д. организовал с братом. Тогда Ф. Д. был еще молодым, а брат был, кажется, студентом второго курса Петербургского Лесного института. К спектаклю готовились благоговейно; Ф. Д. подтягивал актеров, и они вытвердили роли на зубок. Спектакль состоялся в приходском училище, и народу набилось до отказа. Не помню теперь, что ставили, но дивертисмент с участием церковного хора и братьев Крюковых прошел блестяще. Ф. Д. с изумительным мастерством прочитал „Ярмарку в Голтве“ Горького, а брат „Песню о соколе“. Чтецом Ф. Д. был первоклассным, об этом мне приходилось слышать уже в Москве и, говорили, он прекрасно читал чеховские рассказы, но, к глубокому сожалению, в роли чтеца я слышал его только один раз»¹⁴.

В юности он готовил себя к пасторскому, монашьему служению. Не сложилось. Влюбился в замужнюю даму, ну а поскольку был однолюбом, остался холостым. Однако мы ошибемся, если вообразим молодого Федора Дмитриевича в образе нестеровского отрока.

«Другую страстью Ф. Д. были *кулачки*. Начиная с Покрова, когда станица совсем заканчивала уборку хлеба и наступала пора сравнительного безделья для казаков, в темные осенние вечера начинались традиционные кулачки. Наша станица делилась „на верх“ и „на низ“, Ф. Д. жил как раз на границе, но считал себя „верховым“, а потому он „магрычил“ всегда свою сторону, подбадривая верховых четвертями водки. Часто руководил сам драками и благодарил потом победителей. Тоже его сверстники рассказывали, что в студенческие годы Ф. Д. сам становился в ряды бойцов и его ухватке удивлялись первоклассные драчуны»¹⁵.

С серебряной медалью Крюков вышел из Усть-Медведицкой гимназии, а в 1892 г. окончил Петербургский историко-филологический институт и тринадцать лет преподавал в

¹¹ Дмитрий Иванович Крюков дважды (1880–1882, 1889–1891) избирался станичным атаманом.

¹² Брат Александр был не лесничим, но ученым-лесоводом. См. его теоретическую статью: *Ал. Крюков. О станичных лесах Донской области.* / Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. № X. 1910. С. 79–104.

<https://vivaldi.dspl.ru/by0000010/view?fbclid=IwAR2Da8TEUpYXSrBkdGtrEx3tb8cPdSTc9nC6a6JcaNqSm-j0b2MxP9NhM10#page=84>

¹³ *Воротынский Д. Ф. Д. Крюков. Воспоминания и встречи* // Журнал «Вольное казачество». 1931. № 73. С. 15. *Воротынский Д. И.* – псевдоним Дмитрия Ивановича Ветютнева (1886, станица Ново-Александровская Донской области – 1943, Франция). Журналист, казачий писатель.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. «Тихом Доне» дан портрет лишь одного «битка по кулачкам», однорукого Алексея Шамиля

гимназиях Орла и Нижнего Новгорода. Дослужился до статского советника. В действительные статские советники произведен Донским правительством в 1919-м.

Опубликование в столичной прессе рассказа о нравах Орловской мужской гимназии («Картинки школьной жизни») вызвало конфликт с коллегами-преподавателями. В 1905 г. Крюков принят на должность сверхштатного учителя истории и географии в Нижегородское Владимирское реальное училище. За свою преподавательскую деятельность Федор Дмитриевич был награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 3-й степени, а чин статского советника, давал ему право на личное дворянство.

В неопубликованном дневнике писателя есть черновик его речи, обращенной к попечителям орловской гимназии:

«23 ноября 1902 г.

Гг., Вам, без сомнения приходилось видеть несчастных лошадей, на которых ездят ночные извозчики. Согнутые, широко расставленные разбитые ноги, шершавая шерсть, жалкий, забитый взгляд голодных глаз, выпученные ребра, на которых в виде знаков отличий красуются яркие полосы хозяйского кнута. В спокойном состоянии такая кляча обыкновенно дремлет или думает какую-нибудь – впрочем – невеселую думу, опустив голову, безучастно ко всему – и к шуму городской жизни, и к свету фонарей, и к деликатному разговору городского с ее хозяином. Ничто из этого ее не касается; ее главные вопросы: сколько-то ей придется перевезти пассажиров и покормят ли ее за ее труд... Когда же она работает, бессильно шлепая ногами по камням скверной мостовой, на нее жалко смотреть. А полосы кнута все чаще и чаще ложатся на ее шершавые бока.

Среди двуногих тварей, созданных по образу и подобию Божию, именуемых большею частью людьми, – тоже есть такие классы, которые образом своим напоминают несчастных кляч ночных извозчиков. Не будет большим преувеличением, если я отнесу сюда и класс чернорабочих русской школы, ...»¹⁶.

В начале 1890-х он стал печататься «Северном Вестнике», долгие годы был членом редколлегии «Русского богатства» (журнал В. Г. Короленко). Выпустил сборники: «Казацкие мотивы. Очерки и рассказы» (СПб., 1907), «Рассказы» (СПб., 1910). Последний рассказ Крюкова называется «Ползком». Он написан в конце 1916 г. В оставшиеся три года жизни, сосредоточившись на романе, Федор Дмитриевич не написал ни одного рассказа. (Очерки и газетные заметки – не в счет.)

В статье «О писателях-самоучках» (1911) Горький, обращаясь к начинающим писателям, пишет: «Почитайте Муйжеля, Подъячева, Крюкова, – они современники ваши, они не льстят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду!»¹⁷.

---

¹⁶ РО РГБ. Ф. 654. Картон 1. № 9. Л. 160–163. Расшифровали Татьяна Соболев, Александр Безменников и Евгений Комаров.

¹⁷ Журнал «Современный мир». 1911. № 2, февраль.

В 1906 г. писатель избран в Первую Государственную думу от донского казачества, был близок к фракции трудовиков. Стал одним из основателей Трудовой народно-социалистической партии¹⁸.

В 1918-м журнал «Донская волна» писал:

«Еще в 1-ой Думе он был членом-организатором «Народной Социалистической партии». В свои наезды из Петрограда на Дон он принимает большое участие в местных донских делах. Когда началась революция, Ф. Д. на конференции Народно-Социалистической партии единственный из числа присутствующих высказался за конституционную монархию, в силу чего принужден был уйти из партии. Однако это обстоятельство не помешало желать партии включить имя Ф-ра Д-ча в избирательные списки в Учредительное Собрание, но Ф. Д. отказался. В Учр<едительное> Собр<ание> писатель шел по казачьему списку, и ныне за смертью первых кандидатов в этом списке, – Каледина и Богаевского, должен быть считаем выбранным в Учр<едительное> Собрание»¹⁹.

Писатель Крюков знал цену изгнанию: в июле 1907 г. в родной станице Глазуновской он был обвинен в «революционной пропаганде», его дом обыскали, и хотя суд оправдал подозреваемого, в августе распоряжением наказного атамана бывший депутат Первой Государственной Думы был выслан за пределы Области войска Донского сроком на год. Редчайший этот в российской истории случай ссылки из провинции в столицу империи может кому-то показаться комическим, однако для влюбленного в свою Донщину писателя отлучением от родины было серьезным испытанием.

За подписание Выборгского воззвания Крюков отбывал трехмесячное тюремное заключение в «Крестах» в 1909 г.

После приговора он не мог вернуться к педагогической деятельности и пять лет (1907–1912 гг.) вынужден был служить помощником библиотекаря в Горном институте. В ноябре 1909 г. Крюков избран товарищем-соиздателем «Русского богатства».

На фронтах Первой мировой войны был санитаром отряда Государственной Думы и фронтовым корреспондентом. В декабре 1914 г. в должности помощника думского уполномоченного при 3-м имени Государственной думы санитарном отряде Красного Креста он выехал на Турецкий фронт. С ноября 1915 по февраль 1916 с тем же санитарным отрядом находился на Галицийском фронте.

В 1917-м, в Петрограде, он стал свидетелем Февральской революции и описал происходившее в очерке «Обвал». Летом писатель возвращается на Дон. Пишет очерки «Новое» и «Новым строем». С 1912 г. Крюков не прекращает работать над «крупной

---

¹⁸ Народные социалисты или энесы – неонародническая партия городской интеллигенции, единственная из социалистических партий, исключившая террор как средство политической борьбы. 21–23 июня 1917 г. на I съезде партии энесы объединились с трудовиками. В состав объединённого ЦК вошли бывший председатель трудовиков В. И. Дзюбинский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, А. Д. Демьянович, Н. П. Огановский, А. Б. Петрищев и др. На съезде была принята программа объединённой партии. Официальным органом энесов стала газета «Народное слово». В 1918 г. партия прекратила своё существование.

¹⁹ «Донская волна», № 23. 18 ноября 1918. С. 1. Редакционная статья.

вещью», а рассказы пишет всё реже (из-под его пера появляются только очерки). В 1917-м он вообще прекращает писать мелкую беллетристику²⁰.

Строки этой анонимной заметки, повествуют о том, чем занят Крюков в своей Глазуновке в конце лета 1917:

«Ф. Д. Крюков горячо привязан к своей родной станицы, живёт всеми её интересами и пользуется широкой популярностью; ни одно общественное дело в станицы не решается без совета с ним. Ф. Д. зиму обычно проводит в Петрограде, где несёт обязанности соредатора «Русских Записок», а летом живёт в станице, где ведёт сельское хозяйство и даже сам занимается посевом. Он доказывает необходимость нового повышения цен на хлеб и скот, исходя из современных цен на рабочие руки; он сам платил работнику по 80 руб. в месяц, да ещё справил ему чирики.

Ф. Д. Крюков задумал написать роман из казачьей жизни, где предполагает коснуться старины и нарисовать также и современную казачью жизнь»²¹.

В мае 1918-го Крюков пытался скрыться от красных в хуторе Колодезном, но по доносу своей кухарки был арестован и направлен в слободу Михайловку²².

Считается, что от расстрела его спас командующий красными войсками на Дону Филипп Кузьмич Миронов²³ (с ним писатель познакомился еще в молодости, в Усть-Медведицкой станице). Но Петр Крюков, приемный сын Федора Дмитриевича, в своих мемуарах пишет, что выручил некто казак Виктор Каменев, с которым Крюков когда-то сидел в петербургских «Крестах»²⁴. На самом деле Петр Дмитриевич ошибается: речь, как установил исследователь Георгий Малахов, о Викторе Семёновиче Ковалёве²⁵.

---

²⁰ Заяц А. А. Биография писателя Федора Крюкова // В кн. «Федору Крюкову, певцу «Тихого Дона». М., АИРО–ХХ. 2002. С. 72–73.

²¹ Новочеркасская газета «Вольный Дон». № 127. 8 сентября 1917 г. С. 4.

²² Карташов Ю. Книга Памяти Усть-Медведицкого округа.

<http://khorsev-olkhovskiy.accentgraphics.ca/?p=2940>

²³ Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921), окончил в 1898 Новочеркаское юнкерское казачье училище. Избирался атаманом станицы Распопинская. Во время русско-японской войны был награжден четырьмя орденами. В 1914 пошел добровольцем на фронт., командовал сотней, награжден Георгиевским оружием. В январе 1918 привёл полк с Румынского фронта на Дон, был окружным комиссаром на Верхнем Дону. В 1918–1920 на стороне красных, командовал 2-й Конной армией. Выступал против политики расказачивания. В октябре 1919 за самовольное выступление с Донским казачьим корпусом против А. И. Деникина был арестован по приказу С. М. Буденного и приговорен к расстрелу, однако Политбюро ЦК РКП(б) 23 октября 1919 выразило ему политическое доверие. В 1920 вступил в РКП(б). За разгром войск П. Н. Врангеля награжден почетным революционным оружием и двумя орденами Красного Знамени. В феврале 1921 был арестован Донской ЧК и при невыясненных обстоятельствах убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы, после чего было оформлено постановление ВЧК о расстреле «за подготовку на Дону контрреволюционного восстания». Реабилитирован в 1960. Сохранилась фотография Миронова с надписью на обороте: «Дорогому борцу за счастье и светлую долю русского народа – Федору Дмитриевичу Крюкову. Автономия Донских казаков – будет нашим девизом и на этой платформе лягут наши головы. 1906 г. 24-го ноября. Ст. Усть-Медведицкая» (см.: <http://uni-persona.srcce.msu.ru/f-krukov/kniga-text-illust.htm>)

²⁴ Крюков П. Ф. Два ареста Ф.Д. Крюкова». Журнал «Казачий исторический сборник» Париж, 1959, 1960. № 8, 9, 10.

<http://elan-kazak.org/sites/default/files/IMAGES/ARHIV/Periodika/kis/9.pdf>

²⁵ <https://wp.me/p2lpKD-2Pz> Ф. Д. Крюков несколько месяцев провел в «Крестах» вместе с В.С. Ковалевым). См. в книге См.: «Филипп Миронов и Тихий Дон в 1917–1921 году, Документы». Под общей редакцией академика А.Н. Яковлева. М., 1997 г. С. 370–731.

На Дону Крюков стал директором Усть-Медведицкой гимназии. В августе 1918 г. он избирается секретарем круга войска Донского (то есть спикером парламента) и становится редактором газеты «Донские ведомости», правительственного печатного органа. Решением Войскового круга в его обязанности входит, в частности, сбор и публикация свидетельств о Вёшенском восстании.

Еще в начале января 1918 г. войсковой старшина Александр Голубинцев привел полк с фронта в Глазуновку, родную станицу Крюкова. В этом же полку служил легендарный первый герой германской войны Козьма Крючков. Сюда по прихоти автора «Тихого Дона» попал и герой романа Митька Коршунов.

Под девизом «За Тихий Дон!» Голубинцев и Крюков поднимали в марте 1918-м Усть-Хоперское восстание, первое на Дону организованное выступление против большевиков²⁶.

26 августа 1918 г. редактор «Донской волны» Виктор Севский (псевдоним Вениамина Краснушкина) открывает № 12 своего журнала стихотворением в прозе Федора Крюкова. И сопровождает его трогательной заметкой: «Донцы-писатели на Дону»:

Донские писатели Ф. Д. Крюков и Роман Кумов, живущие на севере донском – в Усть-Медведицком округе, делили с родным краем суровую непогоду и много вынесли в советские дни. В хоре голосов, славящих Дон, да не потонут их голоса. Мы приводим две миниатюры донских писателей, посвященных восставшему за волю Дону, являющийся лучшими образцами стихов в прозе для будущей казачьей хрестоматии».

Стихотворение «Родимый край» широко распространилось в Области Войска Донского и в виде листовок, и в рукописном виде.

К концу лета 1919 г. время казачьих побед кончилось.

Силы были слишком неравные:

«Август 1919 года. Уже по всему фронту было смятение. Наш полк остановился на три дня в станице Скуришенской, в 7 верстах от Глазуновской, и я немедленно отправился в свой родимый курень. Сестра сообщила мне, что Ф. Д. только вчера приехал из Новочеркасска и я стремглав помчался к Крюковым. Дома его не застал, он ушел в сад. С волнением я подходил к домику, спрятавшемуся в больших ветвистых яблонях. Ф. Д. с тремя казаками собирался уходить. Расцеловались, но слов не было. – Ну, как дела? – спрашиваю после заметной паузы. Махнул безнадежно рукой. – Пропало... всё...»²⁷

---

²⁶ Голубинцев А. В. «Русская Вандея»: Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959. В этой книге Голубинцев рассказывает о Хоперском восстании и об участии в нем Ф. Д. Крюкова. На титуле эпиграф: «"...То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...Ф. Крюков"». Целиком это стихотворение в прозе цитируется на с. 13–14, здесь же читаем: «Феодоръ Димитріевичъ Крюковъ, донской писатель и Секретарь Войскового Круга. Во время возстанія Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ, весною 1918 года, Феодоръ Димитріевичъ находился въ своей родной станицѣ Глазуновской и принявъ участіе въ возстаніи, примкнувъ къ отряду полковника Голубинцева. Былъ легко контуженъ въ бою у станицы Арчадинской. Вдохновленный вспыхнувшимъ возстаніемъ, написалъ въ началѣ мая 1918 года вышеприведенное стихотвореніе въ прозѣ. Въ первый разъ оно было прочитано на собраніи въ Усть-Медвѣдицкомъ клубѣ, е;сли не ошибаюсь, на Троицынъ день одной изъ участницъ собранія».

²⁷ Воротынский Д. Ф. Д. Крюков. Воспоминания и встречи // Журнал «Вольное казачество». 1931. № 73. С. 17.

Усть-Медведицкая станица. Английское фото середины июня 1919 г. Сидят: Федор Крюков (внизу снимка, слева, с сумкой) и войсковой старшина Павел Дудаков, организатор первого партизанского отряда в Хоперском округе весной 1918 г. Стоят: войсковой старшина, организатор первого на Дону антибольшевистского восстания (началось также в Хоперском округе) Александр Голубинцев, он с большой булавой окружного Усть-Медведицкого атамана); за ним будущий тесть Шолохова атаман Букановской станицы Хоперского округа Петр Громославский, в руках которого насека, отличная от тех, что в руках у хуторских усть-медведицких атаманов; организатор партизанских отрядов генерал-майор Эммануил Семилетов; британский майор Хадлстон Уильямсон; командующий Донской армии генерал-лейтенант Владимир Сидорин; командир 1-го Донского отдельного корпуса генерал-майор Николай Алексеев и хуторские атаманы Усть-Медведицкого округа. Во втором ряду между майором Вильямсоном и генералом Владимиром Сидориным генерал-майор Захар Алферов.
<https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/205320727>

«...но нас ожидали новые церемонии, и нас отвезли в здание местной управы, на ступеньках которой сфотографировали с группой атаманов всех мелких деревень этого района»²⁸.

25 февраля 1920 г. в екатеринодарской газете был опубликован некролог «Федор Дмитриевич Крюков». Сообщалось, что «при отходе армии на Кубань Федор Дмитриевич покинул родной Дон одним из последних. Еще год назад, когда волны красных надвинулись на Дон, Федор Дмитриевич покинул парламентскую работу, отказался от звания секретаря Донского круга и пошел в ряды войск... Федор Дмитриевич не покинул рядов армии и в тяжкую эпоху отхода с родной территории Дона. Сыпной тиф сделал то, чего не довелось сделать пуле красноармейца»²⁹.

²⁸ Хадлстон Ноэль Хедворт Уильямсон. «Прощание с Доном»: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919—1920 / Пер. с англ. А.С. Цыпенкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. Гл. 5.

²⁹ Сватиков С. Федор Дмитриевич Крюков // Утро Юга. 1920. № 44. 25 февраля.

Случилось это якобы 20 февраля. Но – никаких подробностей. Где умер? Кто провожал в последний путь? Где похоронен и кто отпевал? Публикация была сделана на основе неизвестно кем и неизвестно откуда посланной анонимной телеграммы³⁰.

Есть и другое, более позднее свидетельство. Но, оно, скорее, попытка беллетристической реконструкции задним числом того, что могло бы быть. И содержится внутри подражающего Крюкову стихотворения в прозе. Именно стихотворения, а не статьи, хотя Ф. Ф. Кузнецов пишет: «В статье «Последняя страница... (Памяти Донского писателя Ф. Д. Крюкова)» в журнале «Казачий путь» (Прага, 1926) участник этого отступления Вл. Мельников рассказал, каким он увидел Крюкова в его последние дни:

«В дублином полушубке и в мокрых валенках, с надвинутым треухом на глаза <...> Просили мы его в вагон зайти, погреться: “Нет. Я не пойду. Еще есть силы. Вот заберите женщин да детей”. <...> И горестно поникнув головой, он дальше зашагал по грязи невылазной». Вечером в ответ на просьбы спутников «сберечь себя» Крюков согласился идти на ночлег в вагон. К ночи он уже потерял сознание. Начался бред. Через два дня Ф. Д. Крюков умер»³¹.

Этот текст – фальшак. Начиная со слов «Вечером в ответ...» цитата как бы продолжается (стоит даже отдельная, дополнительная ссылка на Мельникова!), но обратимся к оригиналу, ксерокопию с которого я получил 16 марта 2018 г. из Праги, из Национальной библиотеки Чешской республики. Тут-то и выяснилось, что член-корр РАН слукавил. Мельников смерти Крюкова не видел. Цитирую:

«Простые дроги в больницу в забытье певца степей поспешно увезли. А через два дня, со слезами на глазах, не помню кто-то, о смерти Крюкова в газете прочитал нам вслух...»³²

Заметим разницу: сообщить о смерти писателя со слов очевидца, или сделать очевидцем того, им не являлся. Впрочем, это не единственная фальсификация Кузнецова: на страницах своего фундаментального тома шолоховед ссылается на мемуар Петра

---

³⁰ Автор некролога – Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942, Франция) – меньшевик, сотрудник отдела пропаганды Осведомительного агентства (ОСВАГ). Основанный летом 1918 г. генералом Деникиным этот информационно-пропагандистский орган Вооруженных Сил Юга России был наделён монопольным правом на предоставление информации о действиях официальных структур Белого Юга. С февраля 1919 г. он получил название «Отдел пропаганды при правительстве Вооруженных сил Юга России», но сокращение ОСВАГ изменено не было. По характеристике, данной Сватикову советником русского посольства в Лондоне К. Д. Набоковым (младшим братом В. Д. Набокова), принимавшим Сватикова в 1917-м в качестве «ревизора» Временного правительства, это был «комический тип, сочетавший Хлестакова с Держимордой», «ворона, наряженная в павлиньи перья». Миссия Сватикова закончилась тем, что его со скандалом отозвали в Петроград. (Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм. 1921. С. 75–79.)

³¹ Кузнецов Ф. Ф. «Судьба и правда великого романа». М., ИМЛИ РАН, 2005. С. 579. Со ссылкой на: Мельников В. Последняя страница... (Памяти Донского писателя Ф. Д. Крюкова) // Казачий путь. Прага. 1926. № 77. С. 3–4.

³² Мельников В. Последняя страница... (Памяти Донского писателя Ф. Д. Крюкова) // Казачий путь. Прага. 1926. № 77. С. 4.

Крюкова, сына писателя, и утверждает, что Крюков-младший ничего не пишет о «кованом сундучке» с крюковскими рукописями. Значит, сундучка и не было. Но в воспоминаниях сына ничего нет о смерти отца, только о двух его арестах. Они так и называются: «Два ареста Ф. Д. Крюкова». Текст доступен на «Несториане»³³.

По другой, также ничем не подтвержденной версии, Крюков умер от тифа 4 марта 1920 г. (по новому стилю) в одной из кубанских станиц (в Новокорсуновской, Незаймановской или Челбасской), еще по одной, также непроверенной, но все же имеющей имя и сообщающей некоторые подробности, схвачен и расстрелян красными³⁴.

Как ни странно, но именно последняя версия более всего похожа на правду, ведь эвакуация белых из Новороссийска (описанием ее заканчивается 7 часть романа, последняя подлинная часть «Тихого Дона») написана той же рукой, что и лучшие страницы романа. То есть рукой уже три недели как якобы покойного писателя.

«Федор Дмитриевич несомненно унес в могилу „Войну и мир“ нашего времени, которую он уже задумывал, он, испытавший весь трагизм и все величие этой эпопеи на своих плечах...» – читаем в газетном некрологе, появившемся только через полгода после первых сообщений о смерти писателя³⁵».

2. ХУТОР ТАТАРСКИЙ = ХУТОР ХОВАНСКИЙ

В 1971 г. краевед Михаил Давыдов в Глазуновской станице расспрашивал старых казаков о Крюкове, и двоюродная внучка писателя Евдокия Моисеевна Мишаткина сообщила: «Когда зачалась гражданская война, Федор Дмитриевич жил в станице. Он никуда из дому не выходил. Сестры тоже были с ним. В это время я часто ходила к ним в гости. Бывало, как войду в чулан, Федор Дмитриевич спрашивает: «Кто там?». Мария отвечала ему, и после этого его не слышно было. Он сидел в своей комнате и все писал и писал. Большой роман пишу, говорил. Я слышала это от него сама»³⁶.

В «Тихом Доне» под именем Татарского описан хутор Хованский, лежащий на полпути из крюковской Глазуновки в Усть-Медведицкую. Чтобы убедиться в этом, достаточно выписать упомянутые в романе географические реалии и обратиться к карте Верхнего Дона. Не существует другого хутора, столь точно – до мельчайших подробностей микротопографии! – повторяющего реалии хутора романного.

---

³³ <https://wp.me/p2lpKD-2MT>

³⁴ См. книгу Ф. Ф. Кузнецова. С. 769.

³⁵ *Сергей Серапин*. Памяти Ф. Д. Крюкова. Газета «Сполох». Мелитополь. 5 (18) сентября 1920.

³⁶ *Давыдов М.* Глазуновские встречи // «Отчий край». Волгоград. 1994, № 1. С. 186–196.

Подтверждением этой моей атрибуции стали несколько писем выросшего в Хованском казака Леонида Бирюкова, первое из которых я получил осенью 2018 г.

Леонид – инженер, ныне проживающий в Волгограде, правнук хуторского атамана, прямое упоминание о котором есть в одном из очерков Крюкова, а косвенное указание – в самом романе. В «Тихом Доне» о Прокофии Мелехове, отселившемся на нижний край хутора: «С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, *бирюком* (1, I, 10).

Л. А. Бирюков пишет: «На карте-схеме Хованского, где Вами указана усадьба Мелеховых, жили мои прямые родственники. Где именно стояла усадьба моего прадеда Дмитрия Бирюкова, мне когда-то давно показал мой отец. Атаман хутора Хованского с 1905 г. урядник Дмитрий Бирюков с женой Екатериной и детьми: Осипом, Проколом, Хавроньей, Марией. Мой дед Прокол в годы первой мировой войны служил в третьем Донском казачьем имени Ермака Тимофеева полку. (Этим полком командовал друг Крюкова войсковой старшина Голубинцев. – *А. Ч.*)

Дед Прокол в списке награждённых георгиевскими крестами этого полка. Участник белого движения. Был ранен. В начале 1920 г. под Новороссийском попал в плен к красным. Остался жив. Служил в первой Конной армии Буденного, воевал в Польше. По возвращении в х. Хованский советскую власть не принял, в колхоз до конца жизни не вступил. О судьбе атамана Дмитрия Бирюкова родственники никогда не рассказывали, боялись.

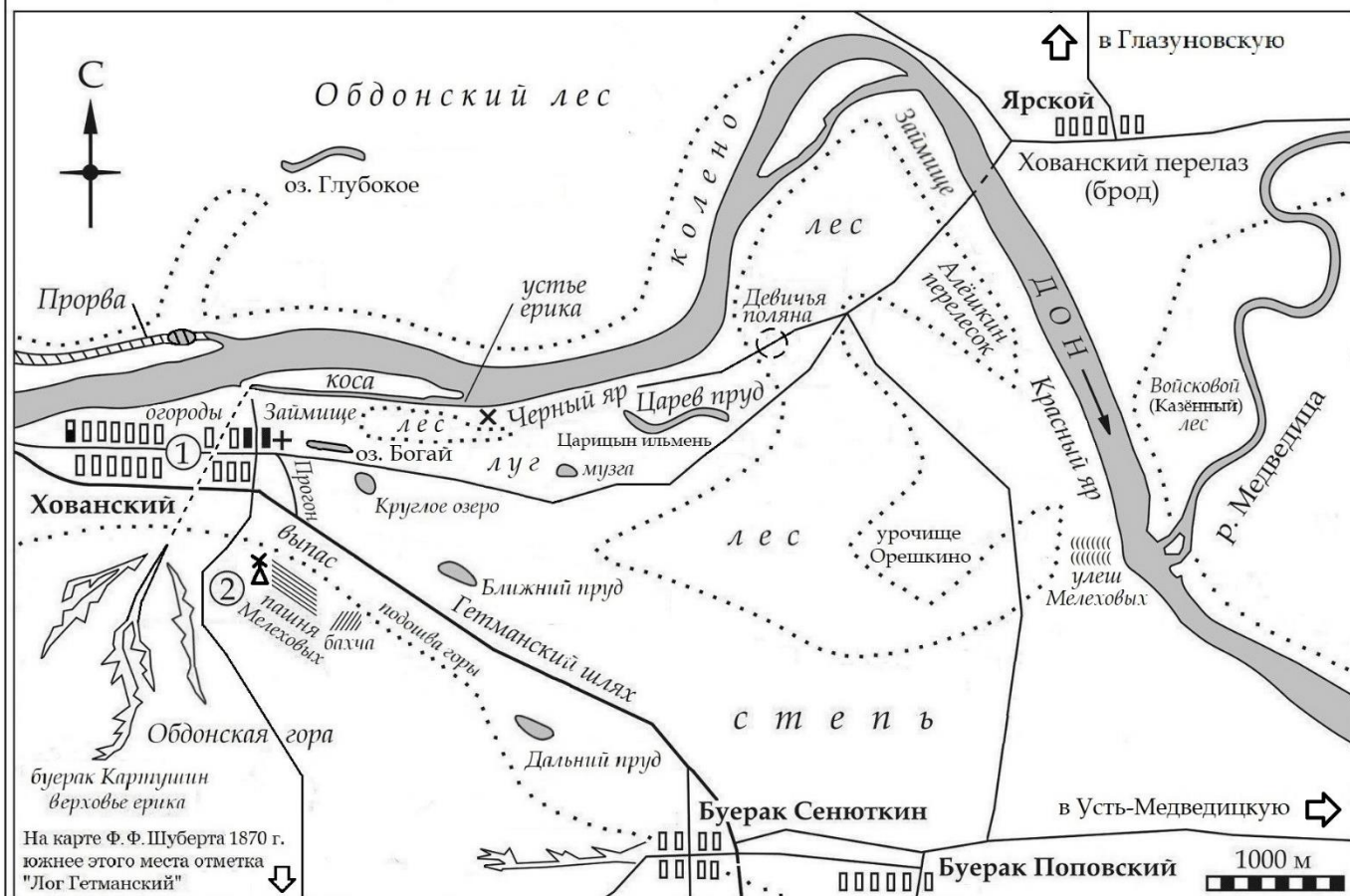
Сейчас это место пусто. Одни камешки. Усадьба моего деда Прокола – ближняя к усадьбе Мелеховых в сторону кургана, в черновике романа названного Татаровским.

Сегодня хутор Хованский – типичная вымирающая российская глубинка. Молодежь разъезжается в поисках работы. Нет ни школы, ни детских учреждений, ни здравпункта. Население, большей частью приезжие из других регионов, живет за счёт подсобного хозяйства и пенсии пожилых родителей. Чтобы так подробно описывать природные и топографические реалии хутора Татарского. Не исключено, что в Хованском жил кто-то из его родственников. В Хованском Крюков мог бывать в годы учебы в Усть-Медведицкой гимназии, да и его друг Ф. К. Миронов был рожак с хутора Буерак-Сенюткин, это в четырех верстах от Хованского по Гетманскому шляху по направлению на Усть-Медведицкую»³⁷».

---

³⁷ Бирюков Л. Письма с Донщины. <https://wp.me/p2lpKD-3cV>

ХУТОР ХОВАНСКИЙ УСТЬ-МЕДВЕДИЦКОГО ОКРУГА (Татарский в печатной версии "Тихого Дона")

- ① — майдан и улица, ведущая в обе стороны к займищу
  - ② — Татар<ник>овский курган за прогоном, близ выпаса и пашни Мелуховых (ТД: 1, XVII, 84)
  - ▬▬ — курень с базами Астаховых и усадьба Мелуховых (крайняя). Между ними дорога на гору
  - ▬ — курень с базами Коршуновых; ⚙ — мельница; 🐟 — "задонское озеро" в Затоне сухой Прорвы
  - + — часовня на развилке дорог (одна к Хованскому броду, другая к Гетманскому шляху)
  - × — место рыбалки бреднем в семик 10 мая и удочками на Троицу 13 мая 1912
- Курсив — реалии "Тихого Дона". Прямой — картографические реалии

13.12.2022

Над схемой работали Андрей Чернов, Игорь Шан, Леонид Бирюков и Татьяна Пономарёва

«В полуверсте от хутора, с левой стороны Дона, есть прорва; в нее веснами на сбыве устремляется полая вода. Около прорвы из супесного берега бьют ключи — лед там не смерзается всю зиму, теплится зеленым широким полудужьем полынья, и дорога по Дону опасново обегает ее, делает крутой скачок в сторону. Весною, когда через прорву могучим потоком уходит обратно в Дон сбывающая вода, в этом месте крутит коловерть, ревет вода, сплетая разнобоистые струи, вымывая дно; и все лето на многосаженной глубине держатся сазаны, прибываясь к близкому от прорвы дряму¹, наваленному с берега» (Тихий Дон. Кн. 2).

Ну и еще самый первый абзац первой страницы романа:

«Мелуховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацеланной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона. На восток, за красноталом гуменных плетней, — Гетманский шлях, полынная проседа, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенка на развилке; за ней — задернутая текучим маревом степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу».

3. СФРАГИДА Ф. Д. КРЮКОВА В ПЕРВОМ ТОМЕ «ТИХОГО ДОНА»

Томик «Русского богатства» читает во второй части «Тихого Дона» купец Мохов, когда к нему с глупым, казалось бы, доносом приходит сын его Владимир:

«Поклонившись, Владимир прошел мимо, постучался к отцу в кабинет. Сергей Платонович на прохладной кожаной кушетке перелистывал июньскую книжку «Русского богатства». На полу валялся пожелтевший костяной нож.

– Тебе что?

Владимир вобрал голову в плечи, нервно оправил на себе рубашку.

– Я шел с мельницы... – начал он нерешительно, но вспомнил слепящую Давыдкину усмешку и, глядя на круглый отцовский живот, обтянутый чесучовой жилеткой, уже решительно продолжал: – ...и слышал, как Давыдка говорил...

Сергей Платонович выслушал внимательно, сказал:

– Уволим. Иди. – И, кряхтя, нагнулся за ножом» (2, I, 118–119).

Донской купец, читающий журнал Короленко и размышляющий о том, что же будет с Россией и собственным его делом (через четыре года в феврале 1917 г. искать ответы на эти вопросы он поедет к генералу Листницкому), не понимает, что, за невинную шутку прогоняя с мельницы мастерового Давыдку, он сам и выращивает *«живущего зародыша»* революционной смуты:

«Уволенный с мельницы Давыдка-вальцовщик целыми ночами просиживал у Валета в саманной завозчицкой, и тот, посверкивая злыми глазами, говорил:

– Не-е-ет, ша-ли-ишь! Им скоро жилы перережут! На них одной революции мало. Будет им тысяча девятьсот пятый год, тогда поквитаемся! По-кви-та-ем-ся!.. – Он грозил рубцеватым пальцем и плечами поправлял накиннутый внапашку пиджак» (2, III, 135).

Это концовка главы. А в первых строках следующей появляется «чужой человек» Штокман. Тот, который положит «личинку недовольства», из коей *«через четыре года»* выпростается из одряхлевших стенок личинки этой крепкий и живущий зародыш».

Значит, речь о 1913 г.³⁸. Чем же интересен июньский номер «Русского богатства» за 1913 г.? Перед нами прямая ссылка на эти, подписанные одним из псевдонимов писателя (И. Гордеев), очерки Крюкова.

Купец Мохов читает в июньской книжке «Русского богатства» окончание донских очерков, опубликованных под общим названием «В глубине. (Очерки из жизни глухого уголка)». В этом томе журнала помещены под цифрами V и VI два очерка – «Новое» и «Интеллигенция». Первый из них, опубликованный на с. 156–162 и должен был заинтересовать Сергея Платоновича, чутко, как это следует из «Тихого Дона», ловящего любую общественную и политическую новизну. Тем более что поминается в нем и «прототип» Мохова купец Мятлов, а речь, в частности, идет о переменах в нравах местной

---

³⁸ Так было в начальной редакции романа. В опубликованном тексте этот эпизод относится в 1912 г.

молодежи: «Ребята-выростки... щеголяют в тонких полупрозрачных блузах из материи, которую купец Мятлов называет „сенжант“...»³⁹.

В «сенжанте» (в повести Крюкова «Зыбь» объясняется, что это не материал, а светлый колер) ходит и Лиза, дочь Мохова:

«Она качнула кресло, вставая, – зашлепала вышитыми, надетыми на босые ноги туфлями. Солнце просвечивало белое платье, и Митька видел смутные очертания полных ног и широкое волнующееся кружево нижней юбки. Он дивился атласной белизне оголенных икр, лишь на круглых пятках кожа молочно желтела.

Митька толкнул Григория.

– Гля, Гришка, ну и юбка... Как стекло, насквозь все видать» (1, II, 21).

Читаем «Новое» дальше. На той же странице: «Нравы стали свободнее. Ребятишки наравне с взрослыми курят папиросы, сквернословят, играют в карты, в орлан, чтобы добыть денег *воруют из родительских закромов хлеб и тайком продают его тому же Мятлову*».

Но это предок Сергея Платоновича – «...досмотрщик и глаз – мужик Мохов Никишка. Торговал он с рук разной, необходимой в казачьем обиходе рухлядь: черенками для ножей, табаком, кремнями; *скупал и продавал краденое* и два раза в год ездил в Воронеж, будто за товаром, а на самом деле доносил, что в станице пока-де спокойно и казаки нового злодейства не умышляют» (2, I, 113).

То есть купец Мохов читает про себя самого и про своего предка.

На той же странице крюковского очерка: «Новые интересы, новые суждения, критика – враждебная и резкая – основ, прежде неприкосновенных и несомненных, столкновение взглядов, симпатий и убеждений, споры и вражда идейная...»⁴⁰.

На фоне этой новой «идейной вражды» и приходит с доносом на Давыдку сынок Мохова.

Зачем же понадобилась Крюкову ссылка на «Русское богатство» с его собственным очерком?

К восьмидесятилетнему юбилею Л. Н. Толстого в № 35 большевистской газеты «Пролетарий» (сентябрь 1908) была опубликована статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Направлена она против той интеллигенции, к которой принадлежал Ф. Д. Крюков и, более того, – против самого Крюкова:

Как депутат Первой Государственной Думы Крюкове входил в думскую группу «трудовиков» и на заседании 13 июня 1906 г. поднял голос в защиту казачества и против

---

³⁹ И. Гордеев <Федор Крюков>. В глубине. Очерки из жизни глухого уголка. Очерк V. «Новое» // Русское богатство. 1913. № 6. С. 147.

⁴⁰ Там же.

использования казаков в карательных акциях правительства. Речь Крюкова обеспокоила Ленина и он стал следить этим своим ровесником, политиком-народником, опасным для дела революции. Будущий пролетарский вождь дважды писал о Крюкове: в 1906-м в статье под названием «Обывательщина в революционной среде» (здесь Крюков выставлен лишенным авторитета политиком, чьи усилия по освобождению трудящихся от гнета капитала тщетны), и в 1913-м в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?»⁴¹, где Ленин откликнулся на крюковский очерк «Без огня» и, по сути, рассматривал его автора как новое «зеркало русской революции» (хотя от употребления этого ярлыка воздержался, очевидно, не желая ставить донского автора в один ряд с классиком и тем добавлять политических очков «неавторитетному политику»).

В том же 1913 (или 1914) году Ф. Д. Крюков в своем романе полемизирует с Лениным. Он молчаливо соглашается с отведенной ему ролью нового «зеркала революции» (недаром купец Мохов читает не Толстого, а очерк Крюкова), но показывает, что движитель революции – сами власть имущие, их эгоизм, тупость и бездарность. А еще – ленинские сторонники, зомбированные радикалы типа Штокмана, не знающие и не понимающие ни казачьего, ни крестьянского русского уклада, но ставящие целью разрушить всю народную жизнь вместе с плохим и хорошим, разрушить всю – до основания.

И, пока его оппонент скучает в Швейцарии, Крюков уходит на войну санитаром.

Купец Мохов читает окончание донских очерков Крюкова. Читает про другого купца, живущего на Дону в нескольких верстах от Мохова и тоже, как и Мохов, ведущего страну напрямик в революцию. Эта прямая отсылка – сфрагида (подпись в третьем лице) Крюкова в «Тихом Доне».

4. МАЛАЯ ПРОЗА Ф. Д. КРЮКОВА И «ТИХИЙ ДОН». МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Первым переключку реминисценции малой прозы Ф. Д. Крюкова в «Тихом Доне» заметил ростовский журналист Марат Мезенцев⁴². Но в доинтернетовскую эпоху подобный поиск был делом хлопотным. Приведу некоторые крюковские метафоры, откликнувшиеся в романе⁴³.

---

⁴¹ Ленин В. И. «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» ПСС. Том 22. С. 363 –369. Первая публикация: «Просвещение» № 2, февраль 1913 г. Подпись: В. И.

⁴² Мезенцев М. Т. Судьба романа // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 22–27. Мезенцев М. Т. Судьба романов: К дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона». Самара. 1998.

⁴³ Сумма этих параллелей опровергает гипотезу израильского исследователя Зеева Бар-Селлы, согласно которой «Тихий Дон» мог написать ростовский журналист Виктор Севский. См.: Зеев Бар Селла. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». М., 2005. См. также интервью, взятое Александром Рапопортом «Волк, сын скалы». Журнал «Лехаим». Апрель 2006. Нисан 5766 – 4 (168). <https://www.lechaim.ru/ARHIV/168/LKL.htm>

– АРБУЗ КАК ОСТРИЖЕННАЯ ГОЛОВА

«Агафонов, с коротко-остриженной головой, похожей на арбуз» (Крюков. «Новые дни». 1907). – «Богатырев, потирая голоостриженную темную и круглую, как арбуз, голову...» (ТД: 6, XLVII, 310).

– БЕЛЫЙ ЛОПУХ ГОЛОВНОГО УБОРА

«У настоятельницы на голове белоснежный накрахмаленный лопух» (Крюков. «Группа Б». 1916). – «под белым лопухом войлочной шляпы» (ТД: 3, VIII, 295).

– БРЫЗЖУЩЕЕ ФЫРКАНЬЕ

«И опять веселым фонтаном брызнуло из толпы дружное фыркание» (Крюков. «Тишь». 1914). – «Изредка – звяк конской треноги, брызжущее фыркание» (ТД: 4, XV, 145). По НКРЯ в сочетании с эпитетом уникально.

– ВША ЗАЕЛА – РАССТЕЛИТЬ ОДЕЖДУ НА ГЛАДКОМ ПОЛУ (НА ТВЕРДОМ МЕСТЕ) И ДАВИТЬ ЧЕРНЫМИ/ЗЕЛЕНЫМИ БУТЫЛКАМИ

«– Польша бунтовалась, – там такая вша! – Ни пар ее не берет, ни мороз! Мы уж черными бутылками ее давили. Расстелешь на полу, где есть пол гладкий, да черной бутылкой и ведешь по овчине...» (Крюков. «Около войны». 1914–1915). – «–...Давите их всех разом!» – «Как так?» – спрашивает. Я и посоветовал ей: «Сымите, – говорю, – одежду, расстелите на твердом месте, и бутылкой их». Гляжу: сгреблась моя генеральша и – за водокачку, гляжу: катает по рубахе бутылку зеленого стекла...» (ТД: 8, I, 300)].

– ВЫСМОРКАТЬСЯ В РУКУ И ВЫТЕРЕТЬ ПАЛЬЦЫ О ПОЛУ

«...высморкалась в руку и вытерла пальцы о полу шубы» (Крюков. «Мать». 1910). – «...и, высморкавшись по-солдатски, вытер пальцы о полу шинели» (ТД: 5, XVIII, 304).

– ГЛЯНЦЕВИТО-ЧЕРНЫЙ

«...берег, глянцевиито-черный и изрезанный колеями» (Крюков. «Шаг на месте». 1907.). – «ветерок шершавил зеленый с глянцевиито-черной травяной шелк» (ТД: 1, IX, 49); «глянцевиито-черным волосом» (ТД: 2, I, 115); «из стиснутых зубов его черным глянцевиитым брусом торчал пухлый, мясистый язык» (ТД: 4, III, 37); «глядя черные глянцевиитые волосы» (ТД: 7, XVI, 157). По НКРЯ «глянцевиито-черный» уникально.

– ДИКОВИНЫ ОБЛАКОВ И ЗАДУМАВШАЯСЯ КУРИЦА

«Арба закряхтела, встряхнулась, подбросила Дениску назад, и в его глазах на мгновение запрокинулась маленькая лужица, отражавшая облака в диковинной глубине, а ближе – задумашуюся курицу и черную ветку старой груши» (Крюков. «Зыбь». 1909);

«...куры с испуганным кудахтаньем метались на плетни и после короткого раздумья ныряли во двор». (Крюков. «Жажда». 1908). – «...вербы... пышно вздымались над водой, как легчайшие диковинные зеленые облака». (ТД: 6, L, 326); «На обезлюдевшем дворе ходила пестрая, с подрезанным хвостом курица и, не зная того, что назавтра помышляет повар приготовить из нее суп пану управляющему, походя копалась в навозе и клохтала в раздумье, где бы положить яйцо» (ТД: 2, II, 255).

Но есть у Крюкова и такое: «...золотисто-багряные закаты с алыми стенами станичной церковки и задумавшимися галками на крестах» («Обыск», 1907); «...вспугнул с колодезного журавца задумавшуюся ворону» («Счастье», 1911). Вспомним, что случилось в басне Крылова, когда нашедшая сыр ворона «призадумалась». Вот эта ворона и превратилась в задумавшуюся галку («Обыск», 1907), потом в курицу («Жажда», 1908; «Зыбь», 1909), вновь обернулась вороной («Счастье», 1911), и вновь курицей (ТД).

– ДУРНОПЬЯН С БЕЛЫМИ ЦВЕТАМИ

Дурнопьян (ДС) – дурман обыкновенный, *Datura stramonium*.

«...Квадратные кирпичики-кизяки, сложенные в невысокие пирамидки, наполняют все дворы и даже кривые улочки хуторка, поросшие колючкой и дурнопьяном с белыми цветами (Крюков. «Из дневника учителя Васюхина». 1903). – «Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, этаким цветком белым... – шепнул, наклонясь, Григорий» (ТД, 1, IV, 35). По НКРЯ «дурнопьян» впервые употреблено в ТД.

– ПЕРХАЮЩИЙ ГОЛОС

«...голос... странный, как перхание овцы в зимнюю полночь» (Крюков. «Четверо». 1915). – «продымленный, перхающий голос» (ТД: 3, VII, 286).

– ЗАЙЦЫ БЕГУТ ОТ ВОЙНЫ

«...о том, как много зайцев выбегало из лесу во время канонады “Ну, наступали наши... Началась стрельба, – как повалило этого зайца из лесу, как пошло – туча!”» (Крюков. «Около войны». 1914–1915). – «На пути в Вешенскую в займище поднимали зайцев. За годы войны столько развелось их и так много набрело кочевых, что попадались они на каждом шагу... От скрипа саней вскочит серый с белым подпузником заяц и, мигая отороченным черной опушкой хвостом, пойдет щелкать целиной» (ТД: 6, XXVII, 189).

– ЗАПАХЛО ВЛАГОЙ И КРИЧАТ КОРОСТЕЛИ

«Сильней запахло влагой, свежестью, откуда-то донесся крик коростеля...» (Крюков. «Без огня». 1912). – «в займище пресно пахнет влажной травой, илом, сыростью, неумолчно кричат коростели...» (ТД: 7, VIII, 62).

– ЗЕЛЕНО-СЕДОЙ

«Егор вдруг почувствовал, что между его свесившихся ног вылезает что-то из-под лавки. Он глянул. Зелено-седая голова старика в подряснике шевелилась, как какое-то невиданное чудовище, а за нею с усилием выползло и все старое тело. Было и страшно, и смешно смотреть» («К источнику исцелений»). – «шевелил зеленой сединой усов» (ТД: 1, XIX, 94); «двигал пучками белых с прозеленью усов» (ТД: 1, XIX, 95); «Деду Гришаке налили пузатую рюмку и вылили половину в рот, заложматевший прозеленью бороды...» (ТД: 1, XXIII, 106); «Низенький, весь в зеленой седине...» (ТД: 2, XIV, 185); «сотрясая седую прозелень круглой бороды» (ТД: 2, XVII, 200); «заплесневелый в табачной зелени ус» (ТД: 3, VII, 287); «покусывая зелено-сединный ус» (ТД: 4, VII, 85); «тычась ей в щеки зеленоватоседыми прокуренными пучками усов» (ТД: 6, V, 58); «Дед Гришака пожевал блеклыми губами, вытер зеленую цветень усов и ткнул костылем в направлении дома» (ТД: 6, XIX, 154). По НКРЯ эпитета «зелено-седой» не обнаружено.

– ИСТУХАЮЩАЯ ЗАРЯ

«Отсвечивает белая полоса на западе – истухающая заря» (Крюков. «Жажда»); «Заря истухла, кончился бой» (Крюков. «Лазоревая степь»). – «Глядели до тех пор, пока истухала заря...» (ТД: 1, I, 10). Эхо народной песни, записанной Крюковым в тетради конца 1880-х. Сюжет этой песни развернут на первых страницах романа в рассказ о том, как Григорий Мелехов едет поить коня и встречает идущую за водой Аксинью: «Не вечерняя зорюшка истухать стала / Полуночная звёздочка она высоко взошла / Хорошая шельма бабачка по ваду пашла / Удалинский добрай молодѣць вѣль коня поить...» И т. д.⁴⁴:

– КАНУННИЦА: ЗАПАХ МЕДА И ЛЕЖАЛОГО ПЛАТЬЯ:

Канунница – деревянная чашка с подставкой. Наполняется медом. К этой чашке ставят свечи. Канунный мёд – мед, которым наполнена канунница.

«...запашок меду в канунницах» (Крюков. «Без огня». 1912); «в сладком запашке меда из канунниц» (Крюков. Тишь». 1914); «Вот давеча звонили к всенощной... а мне все время церковными свечами пахло. Желтенькие есть свечечки, – знаете, соседушка? Медком от них немножко... Медком и лежалым платьем запашок» (Крюков. «У окна». 1909). – «От слежавшихся в сундуках юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым, – так пахнут старушечьи затасканные канунницы» (ТД: 1, XXI, 102). – «...смятый, провонявший затхлым канунным медом и ладаном лист» (ТД: 2, XVIII, 208). – «...могильная

---

⁴⁴ Потаённый исток «Тихого Дона». находка филолога Михаила Михеева.
<https://nestoriana.wordpress.com/2013/01/29/pesnya/>

вонь слежалых нарядов (тех, которые вынимаются из-под испода сундуков только на Рождество да на Пасху)...» (ТД: 2, XVI, 197).

– КИЗЕЧНЫЙ ДЫМ НАД ХУТОРОМ

«...и над левадой дым кизечный, и пятна белых куреней» (Крюков. «Край родной». 1918). – «Пластался над хутором кизечный дым...» (ТД: 2, VII, 148); «Жадно вдыхая горький кизечный дым, выползавший из труб куреней...» (ТД: 3, XXIV, 396).

– КИРПИЧНО-КРАСНОЕ ЛИЦО

«...кирпично-красное, подпухшее от похмелья лицо атамана...» (Крюков. «Шквал». 1909). – «по кирпично-красному лицу» (ТД: 6, XLIX, 322); «кирпично-красное... лицо» (ТД: 7, X, 88), «лицо его стало кирпично-красным» (ТД: 7, XIX, 196).

По НКРЯ: «В гостиной портреты хозяев, написанные масляными красками, с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах...» [И. С. Тургенев. Бригадир (1847–1851)]. Но и у Крюкова, и в ТД лица именно «кирпично-красные».

– КОНЬ ПЕРЕБИРАЕТ УШАМИ

«...больше занимало его, как буланый конь его часто перебирал своими острыми ушками...» (Крюков. «Гулебщики». 1892). – «– Играй, черт! – Гришка куснул губу и – кнутом коня, перебиравшего ушами...» (ТД: 1, XV, 71).

– КОЧЕТЫ И КУДАХТАЮЩАЯ КУРИЦА

«Где-то неистово орут два кочета, звонко кудахчет курица.» (Крюков. «В субботу». 1914). – «Голосили по-весеннему кочета, где-то, как в знойный полдень, одиноко кудахтала курица» (ТД: 6, XXXIV, 220).

– КОЧКОВАТАЯ ПАШНЯ (ПАХОТА) И НОГИ

«...увязая ногами в тяжелой, кочковатой пашне» (Крюков. «Зыбь». 1909). – «...вихляя ногами по кочковатой пахоте» (ТД: 3, VII, 296); «...камнем вылетевший из седла Ермаков сажени две скользил на животе по кочковатой толоке» (ТД: 6, XV, 137).

– КРАСНЫЙ ВАГОН КАК КРОВАВАЯ АРТЕРИЯ СТРАНЫ И ПАСТЬ СМЕРТИ

Красные вагоны – товарные, не раз упомянутые Крюковым. (См. «В родных местах», «Спутники», «В углу».) Прочитируем: «Куда ни глянешь, всюду этот буро-красный цвет, в который окрашены и маленький вокзал, и длинные сараи, и заборы, и товарные вагоны, и, наконец, водокачка...» («На Тихом Дону». 1898). В 1910 г. начался массовый выпуск

предназначенных для переселенцев в Сибирь «стольпинских вагонов», в которых предусматривалось специальное помещение для крестьянского скота и инвентаря. (У Крюкова и в ТД они не упомянуты. Это название попало в литературу только с «Архипелагом ГУЛАГом» Солженицына.) Более цивилизованный (но еще не «классный») вариант – теплушки: «Не ехал лишь на крыше вагона, но на буферах и в кочегарках пришлось ездить, в теплушках – тоже» («Новое». 1917); «Ездили в товарных и классных вагонах, в теплушках и на крышах, на досках и на вязках сена, по возможности стараясь обходиться без билетов, используя широкое покровительство солдат...» (Там же). Вагоны, в которых перевозили скот, назывались телячими или конскими. См. очерк «В углу». (1917): «"Пропаганцы" чем далее ехали, тем больший имели успех. Всех офицеров, не исключая и тех, с которыми ехали жены и дети, выгнали из классных вагонов в конские». Именовались они и «скотскими»: «Ведь вы подумайте, сотник: протряслись двести верст в скотских вагонах для того, чтобы слоняться тут без дела...» (ТД: 3, XIV, 340); «Злые языки называли прежде эту дорогу "заячьей дорогой", потому что по ней провозилось и под скамейками, и в скотских вагонах, и на крышах, и в других местах чуть ли не 95% безбилетных пассажиров» [А. И. Куприн. Путевые картинки (1900)]; «В суровое августовское утро, когда покорные судьбе, в скотском вагоне, как скот убойный, мы подъезжали к границе, оставляя русскую землю, дух ваш переходил тесную огненную грань жизни, и вы навсегда покинули землю» [А. М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917–1924)]. «Доставленные немцами в запечатанных вагонах, эти люди с подложными паспортами с изумительной легкостью углубили "революционное сознание" той человеческой породы, которую умный старый генерал Драгомиров с любовно-ласковой иронией называл в своих приказах "святой серой скотинкой"» («Живые вести». 1919): «Остальной путешествующий мир наливается без разбора и в первый класс и в телячьи вагоны – "до отказа"» («После красных гостей». 1919). Гремучий клубок этих метафор откликается в «Тихом Доне»: «Эшелоны... Эшелоны... Эшелоны... Эшелоны несчетно! По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия серошинельную кровь» (ТД: 3, VII, 289).

А ключ к метафоре ТД находим в одном из рассказов Крюкова: «...но еще жальче Васятку: тоже скоро возьмут и его туда, в эту загадочную и страшную пасть смерти...»; «На четвертый, вечером, посадили ратников в красные вагоны. Было многолюдно на платформе, тесно, толкотно. Не раз в народе тонула милая, родная фигура в ловко сидевшем на ней полшубочке и военной фуражке. Сколько их, молодых, чистых, хороших, глядело из разинутых дверей...» («Ратник»). О том же: «...красные вагоны-теплушки»; «Воинский

поезд – длинный ряд красных вагонов с лошадьми и людьми...» («Около войны» 1914–1915).

В красных вагонах двуногий скот везут на убой:

«На станциях казачьим эшелонам женщины махали платочками, улыбались, бросали папиросы и сладости. Лишь под Воронежем в вагон, где парился с остальными тридцатью казаками Петро Мелехов, заглянул пьяненький старичок-железнодорожник, спросил, поводя тоненьким носиком:

– Едете?

– Садись с нами, дед, – за всех ответил один.

– Милая ты моя... говядинка! –

И долго укоризненно качал головой» (ТД: 3, IV, 263).

Еще в романе: «Через день поезд, вышедший со станции Чертково, пер состав красных вагонов, груженных казаками, лошадьми и фуражом, на Лиски – Воронеж» (ТД: 2, XXI, 235). (Это первое упоминание в ТД слова «вагон».) Помимо этого: «Весь переход шли с песнями, радуясь, что вырвались из “волчьего кладбища”. К вечеру погрузились в вагоны. Эшелон потянулся к Пскову. И только через три перегона узнали, что сотня, совместно с другими частями 3-го конного корпуса, направляется на Петроград для подавления начинающихся беспорядков. После этого разговоры приутихли. Долго баюкалась в красных вагонах дремотная тишина. – Из огня да в полымя! – высказал долговязый Борщев общую для большинства мысль» (ТД: 4, XV, 138). И еще: «В красных клетушках вагонов, у расседланных полуголодных лошадей, толпились полуголодные донские, уссурийские, оренбургские, нерчинские и амурские казаки, ингуши, черкесы, кабардинцы, осетины, дагестанцы. Эшелоны, ожидая отправки, часами простаивали на станциях, всадники густо высыпали из вагонов, саранчой забивали вокзалы, толпились на путях, пожирали все съедобное, что оставалось от проходивших ранее эшелонов, под сурдинку воровали у жителей, грабили продовольственные склады» (ТД: 4, XVII, 153).

Вот чем такое оборачивается: «С Дона через Украину катились красные составы вагонов, увозя в Германию пшеничную муку, яйца, масло, быков. На площадках стояли немцы в бескозырках, в сине-серых куртках, с привинченными к винтовкам штыками. Добротные, желтой кожи, немецкие сапоги с окованными по износ каблуками трамбовали донские шляхи, баварская конница поила лошадей в Дону...» (ТД: 6, II, 19).

Мотив серошинельной крови (начало войны) находим и в публицистике Крюкова. И не где-то, а именно в строках о том, как разваливался фронт в 1917-м: «Усталая душа серых

бойцов поверила и, отравленные лестью продажный иуд, они бросили защищать отечество, оставили на произвол судьбы Россию... Заглушая стыд бессмысленным пустословием, разошлись серые шинели по домам, но вместо мира, спокойной работы и хлеба, получили новую войну – гражданскую, по бессмысленности, опустошительности и жестокости превосходящую всё доселе виданное» («Чувство чести и достоинства». 1919).

Текст обладает собственной родовой памятью.

Идею «Железного потока» Серафимовича обнаруживаем сначала во фронтовом очерке Крюкова: «Снова смыкается бесконечный ремень. И снова я во власти этого покоряющего движения массы. Незаметная щепка, втянутая в могучий поток, – хочу ли я, или не хочу этого, – я должен двигаться туда же, куда течет серая смола этого человеческого океана» и т. д. («В сфере военной обыденности». 1916), а всего через несколько месяцев в рассказе о крушении монархии: «Солдаты со штыками перебрасывались острыми, пряными шутками с бабами – был около хлебной лавки обычный “хвост”. На Большом не было видно ни одного вагона. По панелям текли в разных направлениях темные струи людского потока» («Обвал»).

Из этого-то могучего потока и железных (железнодорожных у Крюкова) путей Александр Серафимович и кроит свой текст. При этом его не смущает, что метафора разрушена и железный поток ставится с рельсового хода на тележный.

– КРАСОВАТЬСЯ

По СРНГ (в ДС нет): любоваться (*тверск., брянск., орловск.*).

«– Вот хожу, гляжу, красуюсь природой... чисто сделали...» («Цветок-татарник»). – любоваться. В ТД: «– Вашего хуторца пригнали! Покрасуйтея на него, на сукиного сына!» (6, LVI, 359); // «– Походить бы ишо раз по родным местам, покрасоваться на детишек, тогда можно бы и помирать» (8, XVIII, 492). В ДС нет, однако Л. У. Ворокова сообщила, что на Дону бабушки до сих пор говорят (контекст исключительно иронический): «Покрасуйся(-тесь) на кого-либо!»).

– КУЛИКИ И ПОТЕРЯВШИЕСЯ КОНИ

«Иногда прибежит косяк лошадей, упущенный табунщиками, перебредет на другую сторону и скроется в “войсковом” лесу. А то все одни кулики да речные чайки кричат-перекликаются» (Крюков. «На речке лазоревой». 1911). – «У Дона, как перед дождем, гомонили лягушки, угрюмовато гудели водяные жуки. На песчаной косе тоскливо перекликались кулики. Где-то далеко в займище заливисто и тонко ржал потерявший матку жеребенок» (ТД: 7, VII, 58).

– КУРЕВО СЛЕПЯЩЕГО ЗНОЯ

«...белым куревом встает вокруг него пыль. Недвижно стоит в знойном воздухе и не хочет садиться. И все пронизано горячим, ослепительным светом» (Крюков. «В субботу». 1914); «...лишь зной и белое курево» (Крюков. «Мельком». 1911). – «...зной, духота, мглистое курево. На выцветшей голубени неба – нещадное солнце, бестучье да коричневые стальные полудужья распростертых крыльев коршуна. По степи слепяще, неотразимо сияет ковыль, дымится бурая, верблюжьей окраски, горячая трава» (ТД: 6, VI, 63).

– РУКА (ЛАДОНЬ) КОВШОМ

«Вот лохматый человек с бельмом на глазу, сбывчившись, поет диким голосом какой-то тропарь и держит перед собой руку ковшом...» (Крюков. «К источнику исцелений». 1904). – «Прохор сходил в хату за водой, долго лил из кружки в сложенные ковшом ладони Григория» (ТД: 7, III, 28); «уронил голову на сложенные ковшом ладони» (ТД: 7, XIX, 199).

– ЛИЦО КАК ГОЛЕНИЩЕ САПОГА

«Остановились у одной цепи вагонов. Она ничем не отличалась от рядом стоявших. Но когда из какого-то окна или двери высунулась голова в помятом железнодорожном картузе, прислушалась и повернула в нашу сторону треугольное лицо с татарскими усами, цветом смахивавшее на старую солдатскую голенищу, – носильщик уверенно сказал: – Волжский» (Крюков. «Новое». 1917); «Вышел казак в лохматой папахе с медной лядункой – полицейским знаком – на полушубке. В сумерках лицо его с усами, торчавшими из носа, казалось сшитым из рябой выростковой голенищи, когда-то смазанной деготьком, но уже изрядно облупившейся» (Крюков. «Ползком». 1916). Московский исследователь Савелий Рожков сопоставил это с «черновой» рукописью ТД: «– А ты почему знаешь? – беспричинно злобно спросил Листницкий и в этот момент так-же беспричинно и остро возненавидел равнодушное, с оттенком превосходства и презрения, лицо санитара. Оно было серовато[е], скучно[е], как сентябрьское поле в жнивье, ничем не отличалось от тысячи других мужицко-солдатских лиц тех, которых [т] встречал и догонял сотник на пути от Петербурга к фронту. Все они [были стертые скукой-ли, безрадостным житьем-ли] казались какими-то вылинявшими, тупое застыло в серых, голубых, зеленоватых [желтых и черных] и иных глазах и крепко [были они похожи на голяница приношенных сапог] напоминали хожалые, давнишнего чекана медные монеты» (рукопись; 3, гл. 14, 66).

Как заметил Рожков, сравнение солдатских лиц с «голяницами приношенных сапог» заменено на сравнение с «хожалыми, давнишнего чекана монетами». Эта последняя метафора заимствована из 2 главы той же 3 части (лицо жены Штокмана): «За двором

Мелехова Пантелея прислонясь к гуменному плетню ждала их [с заплаканным серым] укутанная в платок маленькая женщина. Серое лицо ее вытерлось от слез[ы вытерли], будто давнишн[ую]я хожалая монет[у]а [руки] и желтело оно мутное и жалкое в колдобинах пустых налитых слезами глаз» (рукопись, с. 10).

Рожков пишет: «Очевидно, что первая метафора была удачнее во всех отношениях. Во-первых, она оригинальна (чего нельзя сказать второй – банальной и затасканной), во-вторых, уместна – солдат всегда ассоциируется с сапогами, а не с монетами». Сравнение уникально.

– ЛЯЗГ БУФЕРОВ

«Опять прожурчала свистулька, и затем лязгнули какие-то железные сковороды, вагон вздрогнул, недовольно, как казалось Егорушке, по-стариковски, скрипнул, но сейчас же спохватился и, скрывая недовольство, засмеялся дребезжащим смехом: прр... фпр... прр... фпр... Маленькая станция с ее огоньками тихо поплыла назад в теплый сумрак летней ночи. Отец Егорушки, снявши картуз, стал часто креститься, а за компанию с ним осенил себя крестом два раза и батюшка – неторопливо и истово. Между тем в это время мимо вагона быстро пробежала водокачка, а за нею какие-то маленькие домики с светящимися окошками. Потом за окнами стало темно, и лишь мигали звезды над краем земли. А вагон теперь уже сам бежал с дребезжащим стуком и приговаривал: ох-хо-хо... ох-хо-хо... так-так... так-так...» (Крюков. «К источнику исцелений»). – «Спустя несколько минут паровоз рванул вагоны, лязгнули буфера, зацокали копыта лошадей, потерявших от толчка равновесие. Состав поплыл мимо водокачки, мимо редких квадратиков освещенных окон и темных, за полотном, березовых куп» (ТД: 4, XV, 142).

Понять, что под железными сковородками имеются в виду буфера вагонов, а не, к примеру, станционное било (по форме очень напоминающее буфер), можно только из текста ТД. Сковородки на месте, потому что все описано глазами больного мальчика. Он не знает, что это лязг буферов, не знает даже, что такие есть. Мальчик по звуку узнает сковородку, что попал в точку, поскольку и форма похожа). Но это детское сознание. А в ТД нет нужды в такой шифровке: он не про драму мальчика, а про народную трагедию. См. также у Крюкова «старые фуражки, похожие на сковороды» («В глубине») и «Рокотали винтовочные выстрелы, будто по железной сковороде катилась дробь» (5, XII, 263).

– МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТИК И СМУГЛЫЙ ПРАПОРЩИК

«Маленький солдатик с трубой граммофона в руках, в больших серых валенках, немного отстал, – вещевой мешок за спиной, винтовка и огромный серый лопух рупора

придавили к земле его жидкую фигурку. Смуглый веселый прапорщик, обгоняя его, закричал шутливым угрожающим голосом:

– Спицын! Спицын! Спи-и-цын!

Солдатик надал, растоптанные валенки громко зашлепали, запрыгал зеленый лопух и настиг удалявшиеся серые спины» (Крюков. «Группа Б», гл. 6. 1916).

«Около головного взвода топтался смуглый молоденький прапорщик. Он развертывал, вынимая из планшетки, шоколад (мокрые яркорозовые губы его по краям были измазаны шоколадом), ходил вдоль колонны, и захлюстанная длинная шинель с присохшей к подолу грязью болталась меж ног, как овечий курдюк. Казаки шли левой стороной улицы. В одном из рядов второго взвода, крайним справа, шагал машинист Иван Алексеевич. Он тщательно смотрел под ноги, норовя переступить колдобины лужиц. Его окрикнули со стороны солдат, и он повернул голову, заскользил глазами по пехотным рядам.

– Иван Алексеевич! Друг милый!..

Оторвавшись от взвода, к нему утиной рысью бежал маленький солдатишка. На бегу он откидывал назад винтовку, но ремень сползал, и приклад глухо вызванивал по манерке» (ТД, ч. 4, гл. 3).

– МЕДНО-КРАСНЫЙ ЗАКАТ

«Показалась из-за горы медно-красная заря. Сильней запахло влагой, свежестью, откуда-то донесся крик коростеля...» (Крюков. «Без огня»). – «Та, о чем-то задумавшись, смотрела на закат; на спокойном чистом лице ее бродили медно-красные отблески» (ТД: 7, XIV, 134»). В НКРЯ эпитет «медно-красный» не встречается.

– МЕДОВЫЙ ЗАПАХ ЦВЕТОВ ТЫКВЫ С ОГОРОДОВ

«Густой медовый запах шел от крупных золотых цветов тыквы с соседнего огорода» (Крюков. «Зыбь». 1909). – «с огородов пахнуло медвяным запахом цветущей тыквы» (ТД: 6, LXI, 400).

– МЕЖДУ РЕБЕР АРБЫ

«между ребер арбы (Крюков. «Весна-красна»); «наклески и ребра из боков арбы»; «ребра арбы» (Крюков. «Четверо»). – «между ребер арбы» (ТД: 1, IX, 49); «спиной к ребрам арбы» (ТД: 8, VI, 356)

– МЕРНО ЖЕВАЛИ ЛОШАДИ/ЛОШАДКИ МЕРНО ЖЕВАЛИ СЕНО

«Черно и нему было за вагонами. За кучами старых шпал, сваленных за полотном, чуть виднелся ряд саней. Мокрые, непокрытые лошадки мерно жевали сено» (Крюков.

«Около войны». 1914–1915). – «На базу долго гомонили ординарцы, где-то близко фыркали и мерно жевали лошади» (ТД: 7, IX, 85).

– МЕТАМОРФОЗЫ КВАДРАТНОГО ЛИЦА

(вширь и «вдлин»):

«...квадратное лицо его с жидкой бороденкой ползет вширь» (Крюков. «В субботу»).

– «Квадратное, удлиненное страхом лицо австрийца» (ТД: 3, V, 274).

– МИГАТЬ; МИГНУТЬ

(мелькать, быстро скрыться (ДС):

«...тень от его лохматой папахи размашисто мигала от двери к потолку» (Крюков. «Мечты»); «Жидкий блеск мигал на окошках» (Крюков. «Зыбь»). «Кирик мигнул смоляно-черной, широкой бородой...» (Крюков. «Ратник»). – «коза...так махнула по молодому дубняку, что лишь мигнули в глазах казаков сине-сизые глянцевитые раковины копыт да верблюжьего цвета куцый хвост» (ТД: 5, XXII, 328); «овцы, замигав курдюками» (ТД: 7, XXIV, 228). Американский шолоховед Герман Ермолаев утверждал, что в «Донских рассказах и в «Тихом Доне» есть случаи неправильного употребления одних и тех же слов: «Так, “мигать” употребляется в смысле “мелькать”: “И пошел... мигая рубахой”, “Дарья, мигнув подолом...” (“Октябрь”, 1928, № 6. С. 55)»⁴⁵. Ермолаев, исправивший вслед за редакторами «Дарья, вильнув подолом (4, V, 66), оказался не прав. Такое употребление глагола «мигать» – диалектная мета. По НКРЯ подобное употребление глагола «мигнуть» до Крюкова обнаруживаем у Гоголя: «А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика...» [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]. При этом существует конструкция «мигнул огонь (фонарь, лампа, луч и т. д.)» И у Александра Блока тоже: «Маяк уныло замигал...».

– МОРЩИНЫ ОВРАГОВ И ОКОПОВ

«...длинные холмы /1/, изрезанные /2/ глинистыми оврагами /3/, словно морщинами /4/» (Крюков. «На речке лазоревой»). – «Дальше шла холмистая /1/ местность, изрезанная /2/ неглубокими ложбинами /3/, изморщиненная /4/ зубчатыми ярками» (ТД: 3, VIII, 297).

Совпадение матрицы (и по словам, и по их последовательности):

1. холмы – холмистая местность
2. изрезанные – изрезанная
3. глинистыми оврагами – неглубокими ложбинами
4. словно морщинами – изморщиненная

---

⁴⁵ Ермолаев Г. О книге Р. А. Медведева «Кто написал “Тихий Дон”?» (Париж, 1975) // Вопросы литературы. 1989. № 8. С. 182.

То есть во втором случае сохранена структура первой фразы. Ну а «глинистые овраги» позднее откликнутся еще и так: «по изморщенной зачерствелыми колеями дороге» (ТД: 3, V, 270). А после начала войны – так: «по голому полю отходили морщины окопов» (ТД: 4, XV, 136).

– НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

(парафраз из пушкинского «Бориса Годунова»):

«Казачи слушали и загадочно безмолвствовали» (Крюков. «Выборы на Дону»). – «унизительное безмолвие толпы, молчанием провожавшей последнего императора...» (ТД: 4, X, 105).

– НЕМО

(в значении 'глухо'):

В ТД «особенно бросается в глаза постоянная замена словом немо слова глухо при описании приглушенных, неясно звучащих звуков голосов, залпов орудий, грома, стука копыт, шагов, колесного стука, звуков гармоник и пения петухов» – вторит профессору Принстонского университета Герману Ермолаеву член-корреспондент РАН Ф. Ф. Кузнецов (с. 726).

Однако: «Пусть это далеко от нас – шум и гул бурно несущейся жизни, неустанные заботы и попечение о славе и мощи какого-то отечества, какие-то сферы и борьба влияний, течений, кружков, лиц, партий, собиранье даней и их расточение, – отраженная ими зыбь через топкие дороги, через непроездные овраги и балки докатывается и в наши немые степи – в образе предписаний и приказов» (Крюков. «В глубине»); «– Да насчет земли немо сказано... не разобрали...» («Там же») и пр. – «серая ветошь неба, лес немой, смертно сонный...» (ТД: 2, VIII, 160); «И стало так, словно покрыла Обдонье туча густым, непросветно-черным крылом, распростерлась немо и страшно и вот-вот пригнет к земле тополя вихрем, полыхнет сухим, трескучим раскатом грома и пойдет крушить и корезить белый лес за Доном, осыпать с меловых отрогов дикий камень, реветь погибельными голосами грозы...» (ТД: 2, XIII, 113). См. также и это: «и опять из лавки в насторожившуюся темноту выскакивал раскатистый залп прыгающих звуков и звонко разбежался в оба конца немой улицы» (Крюков. «Мечты»); «–...А тут, на этой проклятой стороне, как в домовине: холодно... немо...» (Крюков. «В родных местах»).

– НЕМОРГАЮЩИЙ ВЗГЛЯД

В ТД в 1 книге: «Григорий провожал их долгим неморгающим взглядом» (ТД: 1, III, 29); «Неморгающий взгляд их был тверд, неломок» (ТД: 3, XV, 349).

По НКРЯ у Андрея Белого «неморгающим взглядом» и «неморгающими глазами» употреблено не ранее 1913 г. [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)], у Замятина «неморгающие, как у рыб, глаза» еще через четыре года [Е. И. Замятин. Островитяне (1917)].

Чтобы развести донское диалектное «мигать» (мелькать) и «моргать» (мигать глазами), писатель переиначивает клише «немигающие глаза» и «немигающий взгляд», заменяя в них эпитеты на прилагательное «неморгающий». (См. ошибку проф. Германа Ермолаева, который принял обороты «мигая рубахой» и «мигнув подолом» за ошибки Шолохова; однако это не ошибки, а диалектная норма, характерная для Гоголя и Крюкова.)

У Крюкова обороты с прилагательным «неморгающий» фиксируется тринадцать раз (с 1903 по 1916 год): «Из-под широких черных бровей, похожих на волосатых гусениц, на него глядели серые глаза, пристальные, неморгающие, светившиеся лаской» («В родных местах». 1903). «...глядя на него остеклевшим, неморгающим взглядом пьяных, затуманенных глаз» («Станичники». 1906). «Скесель долго глядел перед собой неморгающим взглядом» («Шаг на месте». 1907). «И, не дожидаясь ответа, он отошел, сел на свой стул под зеркалом, положил пухлые ладони на колени и впери́л неморгающий взгляд Будды на дверь» («Новые дни». 1907). «Глухой шапочник Мартыныч, весь застывший около Лапина в напряженной позе жадного внимания, смешной со своим открытым ртом и остановившимися, неморгающими глазами...» («Шквал». 1909). «Другой глядит скучным, неморгающим взглядом в одну точку на буро-красной стене тюрьмы» («Полчаса». 1910); «Сергунька затаил дыхание и по-военному, неморгающим взглядом, сверху вниз смотрел в седую, раздвоенную бороду этого страшного и такого невидного старикашки.» («Счастье». 1911). «Арвед Германыч размешал сахар в стакане, хлебнул, чмокнул губами и, встретив широкий, неморгающий взгляд Зинки, ослабил, выставив желтые лошадиные зубы» («Тишь». 1914). «Абдул вытаращил свои черные, неморгающие глаза на Джафарова» («На войне. В Азербайджане». 1915). «Внимательным, неморгающим взглядом смотрел на Уласенкова, и было в сосредоточенной серьезности его запавших черных глаз жалкое выражение застарелой боли и привычного страдания» («Четверо». 1915). «Он глядел на нее неморгающим, блестящим взглядом, словно удивлялся этому обстоятельству»; («В сфере военной обыденности» 1916). «Он следил за ней своим неморгающим взглядом, но ничего уже не сказал» («Там же»). «Он глядел на нее блестящим, неморгающим взглядом, словно хотел угадать скрытые ее мысли» («Группа Б». 1916).

Клише «немигающий взгляд» находим у И. А. Гончарова в «Обрыве» (1869)], а «немигающие глаза» у А. П. Чехова («В овраге». 1900). Крюков первым превратил

«неморгающий взгляд» в «неморгающие глаза». В донском диалекте «мигать» – это мелькать. (При этом «немигающие глаза» по разу встречаются в 1 и 2 книгах ТД., а «немигающие взоры» в рассказе Крюкова «Тишь». Кроме того, в рассказе «Отец Нелид»: «Тихим, немигающим светом горит лампа».

– НОЧНЫЕ БАБОЧКИ, КАК СНЕГ ЛЕТЯЩИЕ НА ОГОНЬ

«Тихим, немигающим светом горит лампа. На золотой огонь ее, как снежные хлопья, летят серые ночные бабочки, комарики, какие-то темные букашки. Летят, кружат, бьются о горячее стекло, трепещут нежными крылышками, судорожно мечутся по скатерти... Обожженные испуганные, падают нам на лица, за шею, щекочут и путаются в волосах, падают в стаканы с чаем» (Крюков. «Отец Нелид»); «Роятся звезды вверху, моргают золотыми ресницами. Пушистой метелью летят на наш огонек частые белые хлопья: это тысячами гибнут комары. Подымаются от воды, медленно кружатся, вьются, трепещут и, замороженные страшной силой, падают в пылающий костер» (Крюков. «На речке лазоревой»). – «Над огнем метелицей порошили бабочки. Возле костра на раскинутом ряднице собрали вечерять» (ТД: 1, IX, 51).

– ОБИРАТЬ (ОБДИРАТЬ, СДИРАТЬ) СОСУЛЬКИ С УСОВ И БОРОДЫ

«Обобрал последние мокрые сосульки с усов и бороды» и «Он обобрал сосульки с усов» (Крюков. «Группа Б». 1916); «обирая сосульки с клочковатой бороды» (Крюков. «Ползком». 1916). – «обдирал мизинцем сосульки с бороды» (ТД: 2, VII, 149). – «обдирая сосульки с бороды» (ТД: 2, XXI, 221-222); «обсасывал с усов ледяные сосульки» (ТД: 4, IV, 58) – «содрал намерзшие на усах и бороде сосульки» (ТД: 5, XIII, 278); «Ногайцев, содрав с усов, покидал к порогу сосульки» (ТД: 6, XV, 124). Ср. с рассказом машиниста паровоза:

«–А зимой мороз, снег... Намерзнут сосульки, по полпуда, – ты отбей да вытри. Ходишь мокрый весь на холоду, на ветру...» (Крюков. «Новое»).

– ОБЛАКА/СОЛНЦЕ, КАК С ПОХМАЛЬЯ

«Серые неуклюжие облака тяжело клубились за крышами домов, над городским садом и за рекой. Грузно ворочались, лезли друг на друга, ползли вширь, рыхлые, мутные, словно с похмелья, бестолково толпились и, видимо, упорно не желали подчиниться требованиям порядка – разойтись. Тянуло от них свежим ветром, холодком и угрюмым намерением полить землю долгим, прочным „обложным“ дождем. Иной раз какой-нибудь синий дракон выпячивал нелепую зубчатую спину, разевал пасть и угрожающе тянулся к городу. Но вдруг останавливался, словно сконфузившись, свертывался и тонул в мутной

пучине, похожей на далекий сосновый бор» (Крюков. «Мельком». 1914). – «Невеселое, как с похмелья, посматривало солнце» (ТД: 2, XXI, 234).

– ОБЫСК У НЕГРАМОТНОГО. КРАМОЛА НА КУРЕВО

«–... Три раза брали его. В первый раз повертели-повертели, видят: парень-рубаха, всё по чистой совести рассказывает. – “Сиди три месяца”. Отсидел. Самое рабочее время. Домой вернулся, от Филипповки опять жандар приехал. Обыскали. “Книги, – говорит, – где спрятал?” – Да у меня клочка книжного нет, я неграмотный. – “Брешешь!” – Ей-Богу, неграмотный. – “Ты, – говорит, – агитатор”. – Никак нет. Какие мы агитаторы. Всю жизнь в навозе, как жуки, копаемся... Однако взяли, подержали еще месяца четыре. Выпустили. А весной опять. Ну, он не стерпел, убежал...» (Крюков. «Мельком». 1911)

«– Аккуратно запрятал? – ядовито спросил раздосадованный помощник пристава.

– Чего?

– Прокламации...

– Какие проталмации!.. Да я и неграмотный...

– Так чего ж ты молчал... черт!..

– Да вы бы спросили...

– Наспрашиваешься вас тут, дьяволов!.. Ну, счастье твое, что неграмотный... Однако откуда же в тебе эти самые блохи? Говори по совести... Не советовал бы я тебе скрывать, кто тебя развратил... Не сам ты это! с чужого голоса?..» (Крюков. «В глубине». V. Новое. 1913)

– «Обыск не дал никаких результатов. У одного лишь казака первого взвода нашли в кармане шинели скомканный листок воззвания.

– Читал? – спросил Меркулов, с комическим испугом бросая вынутый листок.

– На курево поднял, – не поднимая опущенных глаз, улыбнулся казак.

– Ты чему улыбаешься? – запальчиво крикнул Листницкий, багровея, подступая к казаку; под пенсне его нервно помигивали короткие золотистые ресницы.

Лицо казака сразу стало серьезным, улыбку – как ветер стряхнул.

– Помилуйте, ваше благородие! Да я почти что неграмотный! Читаю вовсе туго. А поднял затем, что бумаги на завертку нету, табак есть, а бумажка вышла, вот и поднял» (ТД: 4, II, 20–21).

– ОЖЕСТОЧЕННАЯ ХРИПОТА

«И бурая степь, мокрая, плоская, некрасивая, с удивлением прислушивалась к этим неистовым крикам, вылетающим с ожесточенною хрипотой из двух глоток» (Крюков. «Шаг

на месте»). – «...еще яростнее вспыхнула драка в очереди, еще ожесточеннее залаляли хриплые, озлобленные голоса беженцев» (ТД: 7, ХХІХ, 294).

– ОСПА НА ЛИЦЕ ЗЕМЛИ

«...вихры старника на пашне торчат, как редкие чалые волосы на изрытом оспой лице» («Зыбь»). – «...хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды» (ТД: 3, X, 303); «Песчаная земля... еще хранила на своей поверхности, там, где втыкались дождевые капли, густой засев чуть подсохших крохотных ямочек – будто оспа изрыбила ее» (ТД: 4, ХVІІ, 164). Михаил Михеев указал на следующие параллели: «изрытое / изъеденное / изуродованное / покрытое / попорченное / побитое / тронутое / выщербленное / крапленое / со следами оспы (Тургенев, Л.Толстой, Достоевский...)». Однако у Крюкова и в ТД не просто «лицо», а библейское «лице земли».

– ОСТРАЯ СПИНА

(о выступающем, пилообразном хребте):

Редкий эпитет «острая спина» звучит в первом томе «Тихого Дона»: «Садился у подзёмки на табуретке, остро сутулил спину...» (ТД: 2, ХІV, 189).

Перед нами развитие авторской метафоры Федора Крюкова: «В восемь утра, в сером полусвете, сквозь тонкую, зыбкую сетку дождя я вижу: верхом на мокрых тонконогих лошадах с острыми спинами подъезжают к станичной школе оригинальные всадники – маленькие, намокшие, нахохленные, как озябшие воробьи. Сидят они обыкновенно по-двое, иногда и по-трое на одной лошадке – задний обнимает под мышками переднего, у переднего в руках поводья. Маленькие всадники вооружены: сбоку болтаются деревянные шашки, самодельные и потому весьма разнообразных фасонов – и в виде пехотного тесака, и на манер турецкого ятагана, и казачьи. За спиной – деревянные винтовки, за правым плечом на ремне качается пика. У левого бедра – сумки с книжками и провиантом...» (Крюков. «В глубине». 1913).

Но есть и ранее: «Старая серая кобыла Корсачная, уже с час запряженная в арбу, уныло слушала эти пестрые, давно знакомые ей звуки бестолково-радостного волнения и суеты. Она знала, что предвещают они двухнедельную полосу тяжелой, изнурительной, выматывающей все силы работы. Бока у Корсачной были желтые от навоза, шея местами облезла, а спина – острая, как пила...» (Крюков. «Зыбь». 1909).

Кобылу мы видим сбоку. Пила – это ее хребет с торчащими, как зубья пилы позвонками. Стало быть, и в «Тихом Доне» человек сел в профиль к рассказчику, наклонился к своим коленям, и мы увидели его хребет, острый, похожий на зубья пилы.

В «Тихом Доне»: «Клячи... были худы до ужаса. Острые хребтины их были освежеваны беспрестанными ударами кнутов, обнажали розовые в красных крапинках кости с прилипшими кое-где волосками шерсти» (ТД: 4, III, 32). Или в «черновиках» о Петре Мелехове: «жОвотом наваливаясь на острую хребтину лошади» ("черновик" 2/81).

«Зыбь» написана в 1909-м, но вошла в книгу «Рассказы. Т. 1», где автор собрал свои лучшие повести и рассказы 1908–1911 гг. Книга вышла в 1914-м.

– ОТМАХИВАЯСЬ ГОЛОВОЙ

«Лошадь...отмахиваясь головой от мух. (Крюков. «Зыбь»); «Он помог раза два кнутом своей лошадке, и она, отмахиваясь головой и хвостом от мух...» (Крюков. «На Тихом Дону»); «Когда он говорил, то мотал головой, словно отгонял надоедливых мух...» (Крюков. «Мечты»). Развитие метафоры: «Он зряшно топтался около первого орудия, отмахиваясь головой от цвенькавших пуль...» (ТД: 6, VIII, 82).

– ОТСЛОНИТЬ/ОТСЛОНИТЬСЯ

(о часовом):

«Поднял винтовку, щелкнул, – я успел отслонить от двери в угол... Вдарил – мимо. Часовой отстранил его» (Крюков. «В гостях у товарища Миронова». 1919). – «Часовой из нестроевых казаков, стоявший у входа, было преградил ему дорогу. – Пропуск есть? – Пусти! Отслонись, говорят!» (ТД: 6, XLV, 285). Вдарить в значении 'выстрелить' в ТД неоднократно.

– ПОЛОГОЕ СОЛНЦЕ/МЕСЯЦ

«Пологое солнце стояло над голубым утренним куревом» (Крюков. «Тишь»). – «Очнулся за полночь. Над ним в сизой вышине, клубясь, стремительно неслись на запад свинцово-серые тучи. В просветы на миг выглядывал молодой пологий месяц, и снова тучевою наволочью крылось небо, и словно бы усиливался в темноте резкий, прохладный ветер» (ТД: 6, LX, 392). Однако по Далю: «Круты рога месяца – к вёдру; пологи – к ненастью; тусклый месяц – к мокрети; ясный – к суху; в синеве – к дождю; в красне – к ветру; с ушами – к морозу». По НКРЯ до ТД не встречаются не пологий месяц, ни пологое солнце. Пологое (низко стоящее) солнце – вербальный маркер Крюкова.

– ПОРЫЖЕВШИЕ/ПОРЫЖЕЛЫЕ САПОГИ

«порыжевшие сапоги» (Крюков. «Четверо». 1915); «в порыжевших сапогах» (Крюков. «Ползком». 1916). – «в порыжелых сапогах» (ТД: 4, XVII, 172); «рыжие ссохшиеся сапоги» (ТД: 6, XLVIII, 318).

– ПОСТЕЛИТЬ СЕБЕ НА СУНДУКЕ

(о хозяине или хозяйке дома):

«– Ну, постелите мне на сундуке...» (Крюков. «Шаг на месте»). – «Вечером постелила себе на сундуке» (ТД: 2, XV, 191).

– ПРИЗЕМИСТАЯ ФИГУРА В НОВЕНЬКОМ РАССТЕГНУТОМ ПАЛЬТО

«...приземистая, невзрачная фигурка Горбачева в новеньком расстегнутом пальто» (Крюков. «Шаг на месте»). – «приземистый красноармеец в добротной шинели и новехонькой мерлушковой папашке с расстегнутыми мотузками наушников» (ТД: 6, XII, 112); «...Штокману преградил дорогу приземистый взводный. Серой смушки папаха его была сбита на затылок, шинель распахнута настежь...» (ТД: 6, XLIX, 322).

– ПРОСЕДЬ ПОЛЫНИ

«...бархатная проседь скромного, распластавшегося полынка» (Крюков. «Офицерша»). – «полынная проседь» (ТД: 1, I, 9). Полынок – народное название некоторых степных видов полыни. Метафора уникальна.

– ПРОСТРЕЛЕННЫЙ НАСКРОЗЬ

«–...так лучше прострелили бы меня наскрозь» (Крюков. «Пособие». 1894). – «–...Лучше уж лежать, а то другая прилетит, какая порезвей, и наскрозь пронижет. Ну, и лежу, стал-быть. Нет-нет, да и потрогаю их, пули-то...» (ТД: 7, XVIII, 180).

– ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ДЫШЛО

«...перепрыгнул через дышло турецкой арбы» (Крюков. «Четверо». 1915). – «прыгнул через дышло тачанки» (ТД: 6, XLIV, 281). «Перепрыгнул через дышло» и «прыгнул через дышло» в НКРЯ не встречается.

– ПУЛИ КАК ГОРОХ

«перепрыгнул через дышло турецкой арбы – и тут же его словно горстью гороха опрыснуло...» (Крюков. «Четверо». 1915). – «–...сыпанули мне горохом в задницу. Четыре картечины получил» (ТД: 3, XI, 324)».

– ПУЛЯ И СНАРЯД КАК БУРАВ ИЛИ СВЕРЛО

«пробуравленные зеркальные стекла» (Крюков. «Обвал»); «сверлящее жужжание трехдюймовой гранаты» (Крюков. «Цветок-татарник»). – «заквохтали с нарастающей силой снаряды, как буравом, высверливая воздух...» (ТД: 4, III, 41); – «по бокам – этот нижуший, сверлящий высвист: цьююуу-уть, цьюуу-уть, а сзади – хлопки выстрелов, как треск перезревших стручков акации» (ТД: 4, IV, 50).

Сравним: – пронзительные, сверлящие звуки звонка; сверлящей спиралью пробегал тонкий свист (Крюков. «Новые дни»)

– тонкий вскрик просверлил ревущие голоса (ТД: 1, I, 11)

– почти детский стелющийся крик сверлился изо рта (ТД: 3, XX, 375)

– ПЫЛЬНАЯ БАГРЯНАЯ ЗАРЯ

«На позеленевшем, низком небе застыла золотисто-розовая пыль зари» (Крюков. «Товарищи». 1909); «Пыльная заря горит на западе, багряные длинные мазки веером раскинулись на полнеба» (Крюков. «Мать». 1910); «Солнце с минуты глядит на нас одним пурпурным краешком, потом тихо ныряет в розово-пыльный океан за синими, далёкими холмами» (Крюков. «Камень созидания». 1918). – «И деда, провожавшие с завалинок пыльный багрянец заката...» (ТД: 2, III, 134).

Михаил Михеев указал на выражения, предшествовавшие этим:

«...пыльные столбы, затемнившие яркое зарево вечернего заката» [А. И. Левитов. Расправа (1862)]; «И золотое кольцо с алмазом сверкало на его руке, как вечерняя звезда багрово-дымном небе заката» [Ф. К. Сологуб. Страна, где воцарился зверь (1906)]; «По дороге, поднимая столбы серо-багровой пыли, мчалось навстречу конвою несколько всадников в пестрых, красивых мундирах» [Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)]; «Пыльный розовый луч пробивался в маленькое окошко денника» [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889)]. Однако пыльная багряная заря и пыльный багрянец заката только у Крюкова и в ТД.

– РАЗНОМАСТНАЯ И РАЗНОВОЗРАСТНАЯ ТОЛПА

(в обоих случаях дело происходит на железнодорожном вокзале)

«На рельсах осталась разномастная, разновозрастная толпа. Все больше женщины и дети, изредка старики в дубленых тулупах...» (Крюков. «Около войны». 1914–1915). – «Ждали поезда. Около вокзала топтались и дули на посиневшие пальцы музыканты военного оркестра. В карауле живописно застыли разномастные и разновозрастные казаки низовских станиц. Рядом с седобородыми дедами стояли безусые юнцы, перемеженные чубатыми фронтовиками» (ТД: 6, XI, 109).

РАЗУТЬ ГЛАЗА НА ОГОНЬ

«– ... Это что за огни? – Где? – Где! Разуйте, пожалуйста, ваши глаза: во-он! во-он!...» (Крюков. «Группа Б». 1916) – «– Тю, брат, разуй гляделки, там огню, как у доброй бабы!» (ТД: 3, VII, 284).

– РАКЕТА... НЕСКОЛЬКО СЕКУНД... ТЕМЕНЬ НОЧИ

«За порогом кухни стояла черная-черная тьма, теплая и влажная. В западной стороне неба глухим треском рассыпались ружейные залпы. Орудия молчали. Поднялась белая ракета, постояла несколько секунд в темноте и нырнула в черную глубину ночи» (Крюков. «Группа Б». 1916). – «За Мархотским перевалом высоко взметнулась брызжущим светом ракета. На несколько секунд стали видны озаренные зеленым, призрачным сиянием горбатые вершины гор, а потом снова вязкая темень мартовской ночи покрыла горы, и еще отчетливее и чаще, почти сливаясь, загремели артиллерийские залпы» (ТД: 7, XXVIII, 293). По НКРЯ впервые слово «ракета» и выражение «несколько секунд» встречаются только в таком контексте: «...хотя полная продолжительность горения была несколько секунд» [Н. А. Рынин. Ракеты и двигатели прямой реакции (история, теория и техника) (1929)].

– РАССЫПЧАТЫЙ СМЕХ

«рассыпчатый детский смех» (Крюков. «Новые дни»); «– Пушай по всей комплекции бьет – не подамся! – решительно встряхивал головой Агафон под рассыпчатый смех посетителей лавочки» (Крюков, «Ратник»). – «– Спишь? Вставай! Дон поломало!.. – и рассыпчато засмеялся» (ТД: 6, XXVIII, 195).

– САПОГ ДЕПУТАТА/САПОГ КОРНИЛОВА

(держаться/схватиться за сапог кумира, которого толпа несет на руках):

«Когда перенесли его через мост, о. Евлампий, самоотверженно державшийся за левый сапог депутата, чувствуя толчки в спину и под колени, размазывая ладонью по лицу грязные потоки пота, случайно оглянулся. Он встретил на одно мгновение беспомощно страдающий взгляд триумфатора, мгновенно сообразил, что надо пощадить народного избранника.

– Может, вам неудобно? – быстро спросил он и сейчас вслед затем замахал руками:

– Господа! позвольте!.. Когда депутата поставили на ноги, он, красный, потный, покрытый серыми пятнами пыли, с искренней радостью в голосе...» (Крюков. «Шквал»). –

«У выхода под оглушительный грохот приветственных криков Корнилова подняли на руки, понесли. Сильным движением плеча Листницкий оттер в сторону какого-то сановитого господина, – успел схватиться за мелькнувший перед его глазами лакированный сапог Корнилова. Ловко перехватив ногу, он положил ее на плечо и, не чувствуя ее невесомой тяжести, задыхаясь от волнения, стараясь только сохранить равновесие и ритм шага, двинулся, медленно влекомый толпой, оглушенный ревом и пролитой медью оркестра» (ТД: 4, XIV, 133).

– СЕРЫЕ ШИНЕЛИ

(пехота как поток смолы серых шинелей и как серошинельная кровь)

Проза Крюкова позволяет проследить рождение метафоры: «Настоящее дыхание войны начинаешь чувствовать лишь с таких пунктов, где аромат **серого солдатского океана и его однообразный сурово-непогожий цвет** поглощает и вытесняет все другие живые запахи и цвета. Малые ручьи, устремляющиеся в это многоголосое море с меняющимися берегами, начинается задолго до границ, до театра боевых столкновений. Распыленными брызгами они видны по всем путям, прорезывающим безмолвную русскую равнину. На станциях и в городах они сливаются уже в потоки, а где-нибудь за Баку или Тифлисом – мои наблюдения относятся исключительно к южному фронту – катится уже широкая серая река и за Александрополем и за Карсом падает в безбрежное серое море, в котором черные туземцы тонут, как мухи в кадке с квасом...» (Крюков. «Около войны». 1914–1915).

«Густой серой смолой течет пехота. Потемневшие до пояса, непросохшие шинели в резких складках кажутся свинцово-тяжелыми. Люди как будто не успели умыться, шагают вяло, хмуро, молча, цепляются штыками. Кое-где в этой серой, медлительной лавине качается всадник на тощей лошади» (Крюков. «В сфере военной обыденности». 1916).

«Я перебежал за угол дома, завернул на Спасскую и вмешался в этот **серый, смутный поток солдатских шинелей.** Он двигался навстречу мне и вблизи казался будничным, ленивым, лишенным воодушевления» (Крюков. «Обвал». 1917).

«По шоссе густой серой смолой текли знакомые шинели, потемневшие до пояса, давно не просыхавшие, измятые, свинцово-тяжелые. Хмурые и молчаливые, точно не выспавшиеся, шагали люди не в ногу, цепляясь штыками. Качался кое-где всадник на тощей лошади, торчали как журавцы, шесты санитаров. Чуть шевелились издали серые ряды, как туча пешей саранчи. Останавливались на заторах, стояли долго, с терпеливым равнодушием ждали чего-то, снова шевелились по чьей-то команде. И, казалось, нет им конца, нет перерыва» (Крюков. «Группа Б.» VI. «Зося». 1916).

Осталось полшага до: «По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия **серошинельную кровь**» (ТД: 3, VII, 289); «Григорий поднял голову. В проезжавших санях лежали внакат, прикрытые брезентом, **серошинельные трупы**» (ТД: 6, XXI, 166); «Тотчас же Штокман ринулся туда. Нещадно расталкивая, пиная тугие **серошинельные спины...**» (ТД: 6, XLIX, 322).

Итак, железнодорожные пути – кровеносные артерии, гонящие на запад серошинельную кровь. Эта метафора из ТД построена на образе красного товарного вагона:

«Сотня, нарочно сливая слова, под аккомпанемент свежекочанных лошадиных копыт, несла к вокзалу, к красным вагонным курениям лишенько свое – песню» (ТД: 3, VII, 288).

Описана казачья мобилизация. Вот и у Крюкова тема «серых шинелей» впервые возникает в тексте, посвященном мобилизации: «Ветры-суховеи снесли хорошую землю с его вспаханных степей, пустыня надвигается на вольных когда-то сынов его, теперь одетых в серые шинели...» («Шаг на месте. Картинки казацкой мобилизации». 1907).

Необъяснимое совпадение с метафорой из ТД обнаруживаем в рассказе некоего Николая Ларионова (возможно, псевдоним). Под этим именем «Молодой гвардией» в 1925 г. издана книга «Звездные шлемы», единственная книга этого автора; стилистически вся она подражает появившемуся за год до нее «Железному потоку» Серафимовича): «В ночь с 24 на 25 марта станция стала принимать первые эшелоны повстанцев. Перепуганные на смерть железнодорожники молча наблюдали, как обглоданные теплушки выплевывали **серошинельную** гвардию» [Николай Ларионов. Тишина (1925)].

Предисловие к «Звездным шлемам» написал Семен Буденный. И сама книжка, по всей вероятности, – литературная запись, сделанная ради этого предисловия кем-то, уже знакомым с знакомой с рукописью «Тихого Дона». Однако прозы Фурманова есть и чуть более ранний пример эпитета «серошинельная»: «От стены к стене по каменному холодному корпусу метались грозные лозунги, ухали проклятья, торжественно и гордо вырывались и застывали над **серошинельной** массой святые клятвы идти на бой...» [Д. А. Фурманов. Незабываемые дни (1922)]. Впрочем, Фурманов тоже мог быть знаком с рукописью «Тихого Дона»: с июня 1921 г. он работает в Москве членом Высшего военно-редакционного совета в литературно-издательском отделе Политуправления РевВоенСовета.

Еще крюковские параллели: «Солдаты со штыками перебрасывались острыми, пряными шутками с бабами – был около хлебной лавки обычный “хвост”. На Большом не было видно ни одного вагона. По панелям текли в разных направлениях **темные струи людского потока**» (Крюков. «Обвал». 1917).

«Усталая душа серых бойцов поверила и, отравленные лестью продажных иуд, они бросили защищать отечество, оставили на произвол судьбы Россию, огромные, созданные народным трудом средства. Заглушая стыд бессмысленным пустословием, разошлись серые шинели по домам, но вместо мира, спокойной работы и хлеба, получили новую войну – гражданскую, по бессмысленности, опустошительности и жестокости превосходящую всё доселе виденное» (Крюков. «Чувство чести и достоинства». 1919).

«На железных дорогах господствовали товарищи в серых шинелях» (Крюков. «Старший брат и младший брат». 1919). А сравнение солдат с саранчой взято из лихой и браваурной казачьей песни (одной из тех, что так не любил Ф. Д. Крюков): «Мы по горочкам летали /Наподобье саранчи. /Из берданочков стреляли /Все донские казачки» (ТД: 4, III, 45)

Ранее метафора развивалась из речевого клише: «Он безмолвно воротился к своим орудиям, но каждый раз, когда подвинчивал их, взор его искал брата; но серая шинель его исчезла в рядах солдат, ружье его слилось с дулами других ружей, и каждый лезущий на вал, каждый падающий в прах солдат казался ему братом» [А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]; «Долохов, уже переодетый в солдатскую серую шинель, не дожидался, чтоб его вызвали» [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867–1869)]; «Кругом – пейзаж, изображающий пустыню, посреди которой стоит острог; сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель...» [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869–1870)]; в народной песне как символ солдатчины: «Шинель серую наденут И в казарму поведут» [А.С. Яковлев. Повольники (1922)].

Шолохов: «Глядел в каждые глаза, обведенные иссиня-черными кругами, переводил взгляд с одного безусого лица на другое и ждал, что вот-вот в одном из этих серошинельных узнает брата Федора» [М. А. Шолохов. Бахчевник (1925)].

Есть ли в мировой литературе аналоги метафоры «серошинельной крови»? Я знаю только одну: примерно в то же время Гийом Аполлинер пишет: «Шагайте, шагайте солдаты, бутылки с кровавым шампанским».

– СКОПЧИНЫЙ НОС

(по форме носа небольшого ястреба):

Скопчик, скопец – птица копчик, он же *копец* (ДС) «Нос у него был острый, “скопчинный”...» (Крюков. «Гулебщики») – «хищный вислый по-скопчиному нос» (ТД: «черновая» 1/4–5, черн. 1926). См. также *кобчик* («Гулебщики», «Офицерша»).

В ТД *кобчика* нет. В НКРЯ слова *скопчинный* и *по-скопчиному* не зафиксированы

– СРЕЗАННЫЙ (ОБРЕЗАННЫЙ) МЕСЯЦ КАК ГОРБУШКА ХЛЕБА ИЛИ ЛОМОТЬ ДЫНИ

«...сквозь черные ветви старых великанов заглядывали редкие звезды и край неровно обрезанного месяца» (Крюков. «Группа Б». 1916); «На восточной стороне из-за черных вязов подымался месяц, похожий на неровно отрезанный ломоть дыни» (Крюков. «Отец Нелид»); «...глядеть на роящиеся звезды, на поднимающийся, неровно обрезанный

месяц...» (Крюков. «Товарищи»). – «На раскидистых рогах осокоря торчала срезанная горбушка месяца» (ТД: 6, XV, 123).

– ТЕЛО, КАК ВСХОЖЕЕ (ИЛИ НЕВСХОЖЕЕ) ТЕСТО

«...всхожим тестом колыхнулся живот под тужуркой» и «...окидывали лукавыми взглядами его фигуру – от розовой лысины до живота, мягкого, как всхожее тесто» (Крюков. «Тишь», 1914). – «мягкое, как закрутившее тесто, тело» (ТД: 1, XVI, 76); «– Эка тесто-то всхожее! – Оба рассмеялись. Желтый безучастно высморкался и прибавил: – Тельная барыня... корпусная...» (Крюков. «Обвал». 1917). – «Рыхлая, рябая, толстозадая Лукерья, похожая на желтый ком невсхожего теста» (ТД: 2, XIV, 184).

– ТУМАН КАК СЕРЕБРЯНЫЕ РИЗЫ (ПАРЧА)

«Сверкали ключья тумана, как сребротканые ризы...» (Крюков. «Мельком». 1914). – «...прибрежный лес, как в сказке, весь покрыт серебристой порчею тумана» (ТД: 7, VIII, 62).

– УЗКИЙ УСЫНОК

ДС: усынок – 1. Узкая длинная заводь. 2. Продолговатый песчаный островок. 3. Мыс между двумя сливающимися реками.

«В одной руке у нас озеро или затон, с другого боку – река Медведица. Место узкое, усынок, думаем, – застава тут не должна быть. Крадемся этим усынком, к каждому шороху прислушиваемся...» (Крюков. «В гостях у товарища Миронова». 1919). – «За станицей он вброд переехал узкий усынок озера, рукавом отходившего от Дона и тянувшегося до конца станицы...» (ТД: 6, LXI, 404). В НКРЯ усынок только в примерах из Крюкова и Шолохова.

– УПЕРЕТЬСЯ (ИЛИ ОСТАНОВИТЬ) УПРЕКАЮЩИМ ВЗГЛЯДОМ

«...победоносно, упрекающим взглядом упирается в лицо Лактиону» (Крюков. «Будни». 1911). – «Его остановил упрекающим взглядом другой, помоложе» (ТД: 5, X, 242).

– УСЫ С ПОДУСНИКАМИ И СИЗОЕ ЛИЦО/НОС

«...шарообразный Миловидов с толстыми рыжими усами с подусниками и сизым носом» (Крюков. «Неопалимая Купина»). – «...сизея от смеха и шевеля усами и подусниками» (ТД: 2, XIV, 186).

– ХОХЛАТЫЙ ЧИБИСОК/ЧИБИС + БОЛОТЦЕ/ОЗЕРЦО

«болотца с узкой каймой зелени и хохлатыми чибисками» (Крюков. «На речке лазоревой»). – «настойчиво спрашивал летавший над озерцом хохлатый чибис: “чьи вы, чьи вы?”» (ТД: 7, I, 15).

– ХРЯСТЕЛ/ХРЯСТНУЛ ПЛЕТЕНЬ

«Старый плетень неистово хрястел, качался, царапался сучками, ободрал мне руки» (Крюков. «В камере № 380»); «Шнырял вокруг сада, хрястел старой городьбой, шуршал в вишневых кустах, мяукал, лаял, издавал самые фантастические звуки, фыркал от смеха» (Крюков. «Мать». 1910). – «Плетень хрястнул под копытами коня, остался позади» (ТД: 6, XLIV, 281); «Потом звук шагов затих и хрястнул плетень» (ТД: 8, IX, 394).

– ЦЕПКАЯ ПОВИТЕЛЬ С РОЗОВЫМИ ЦВЕТАМИ ПЕРЕПЛЕЛА

«...цепкая и тягучая повитель с бледно-розовыми цветочками переплела желто-зеленый, только что начинающий белеть, ковыль» (Крюков. «Гулебщики»). – «...доходить собственным цепким, как повитель, умом» (ТД: 2, I, 119); «Высокое, выше пояса, жито, все перевитое цепкой повителью...» (ТД: 3, XXII, 380); «...на розовую чашечку цветка повители» (ТД: 1, XVI, 81); «...розовые... лепестки повительного цветка» (Там же); «Качнулась Аксинья. Скрюченными пальцами вцепилась в жилистую повитель» (ТД: 1, XVI, 82).

– ЧЕРНЕЙ ЧУГУНА

«Темное, волосатое тело, похожее на чугуна, виднелось на груди, сквозь продранную желтую рубаху, сквозило на ногах в прорехи синих шаровар и обмерзших чулок» (Крюков. «Четверо». 1915); «—...Ты на себя не похож, весь переменялся, черней чугуна стал» (Крюков. «В гостях у товарища Миронова». 1919). – «Квадратное, удлиненное страхом лицо австрийца чугунно чернело» (ТД: 3, V, 274); «Он ходил по куреню сутулый, чугунно-почерневший» (ТД: 3, XVI, 354); «...глядя на чугуневшее лицо Подтелкова» (ТД: 5, XXX, 394); «зачугуневшее от побоев лицо Ивана Алексеевича» (ТД: 6, LVI, 359); «один из них, чугунно черный от мороза» (ТД: 7, XXVI, 259).

В основе этих метафор клишированные сравнения, обычные для русской прозы начала XX века.

Ср.: «Его чугунное лицо, с маленькими грустными глазами...» (М. Горький. Детство. 1913–1914). «Но у самого лицо стало иссиня-черное, как чугуна, и ляскали большие желтые зубы» [Л. Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных (1908)]. «Матросы, подбежав к капитану, с содроганием увидели негра: лицо Пэда было черно, как чугуна, даже шея приняла синевато-черный цвет крови, выступившей под кожей» [А. С. Грин. Пролив бурь (1909)]. «Густые кудри его, перевитые сединой, сваялись, большие глаза были налиты кровью, а широкое лицо с толстым носом опухло и было темное, чугунного цвета» [Скиталец (С. Г. Петров). Октава (1900)]. Однако только у Крюкова («черней чугуна») и в в ТД («чугунно чернело»;

«чугуневшее лицо»...) мы наблюдаем попытку вывернуть устоявшийся штамп и превратить его в полноценную метафору.

– ЧЕРНОЕ НА СЕРОМ И НА ЧЕРНОМ

«В окно, не закрытое ставнями, лился мутный, серо-черный свет осенней ночи» (Крюков. «Шаг на месте»); «черный Карапет, спрятав глаза в черные щели» (Крюков. «Группа Б». 1916). – «...падала на черные веки закрытых глаз черная тень» (ТД: 1, XIX, 94); «...по черной ряднине степи, сливаясь с землей, плыли в бурьянах черные собаки» (ТД: 2, XVII, 203) «пшеничная россыпь звезд гибла на сухом, черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками» (ТД: 6, VI, 63); «За ним иссера-черной пеленой вроссыпь сидели на воде гуси» (ТД: 6, XLV, 284).

Источник этих метафор – лермонтовская «Тамара»: «...Старинная башня стояла, / Чернея на черной скале».

– ЧЕРНОЕ РЯДНО НОЧИ, ЧЕРНАЯ РЯДНИНА СТЕПИ И ПР.

Рядно (ДС) – кусок грубого домотканого холста (из конопли или оческов льна).

Дерюга – грубая ткань их льна.

Рогожа – грубая хозяйственная ткань. Первоначально производилась из волокон рогоза.

При этом ни в прозе Крюкова, ни в ТД не обнаружено случаев метафорического использования аналогов рядна – рогожи и дерюги.

«...под плотным рядном черной осенней ночи» (Крюков. «Мечты»). – «по черной ряднине степи» (ТД: 2, XVII, 203).

Кроме этого: «Качалась мутно-белая снежная завеса и прятала мир в белое колеблющееся рядно» (Крюков. «Группа Б». 1916). – «Возле костра на раскинутом ряднище собрали вечерять» (ТД: 1, IX, 51); «На западе корячились, громоздясь, тучи. Вверху фиолетово чернели, чуть ниже утрачивали чудовищную свою окраску и, меняя тона, лили на тусклую ряднину неба нежносиреневые дымчатые отсветы; в середине вся эта бесформенная громада, набитая как крыги в ледоход на заторе, рассачивалась, и в пролом неослабно струился апельсинного цвета поток закатных лучей» (ТД: 3, XIV, 340); «по яркозеленой ряднине луга» (ТД: 4, IV, 48); «Сквозь редкое ряднище облачков показали первые звезды» (ТД: 6, XLVII, 308).

Метафора заимствована у Гоголя:

«Козаки наши ехали бы, может, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядном, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом» [Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота (1831–1832)].

– ЧЕРНЫЕ ПЯТНЫШКИ НА БЕЛОМ

(избы или люди):

«И опять по сторонам дороги лежали под снегом белые, скованные морозцем, все те же безмолвно-величественные безбрежные поля, клубился дым и ползли рядом с поездом голубые тени. И далеко-далеко, на краю, на самом горизонте, чернела рощица, – и еще дальше, на голубом фоне, вставали черные пятнышки, прикрытые белым – усадьба ли, деревня ли...» (Крюков. «Около войны». 1914–1915). – «Внизу из вогнутой просторной котловины в три цепи шли красные. Белый простор падины был иссечен черными пятнышками людей» (ТД: 6, XXXII, 210).

– ЧИБИС В КУГЕ И ПЕСНЯ

«...плач чибиса в куге зеленой, песнь хороводов на заре...» (Крюков. «Край родной»). – «...течет над дорогой песня... из горелой коричневой куги взлетывает белокрылый чибис» (ТД: 1, V, 37–38); «...как подстреленный чибис по ендовной куге» (ТД: 2, XV, 191).

– ШЕЛЕСТ КОЛЕС ПО ГРЯЗИ И ШИПЕНИЕ ВОДЫ ИЗ-ПОД КОПЫТ

«Ровный, влажный шелест колес по грязи навевает дрему, – укачивает езда. Изредка разбудит шипящий плеск лужицы» (Крюков. «Ползком». 1916). – «Шелестела под колесами грязь» (ТД: 1, XIII, 63); «из-под конских копыт, шипя, летели брызги и комья» (ТД: 6, XXVII, 191).

– ШИПЕНЬЕ СНЕГА ПОД ПОЛОЗЬЯМИ

«шипел мокрый снег под полозьями» (Крюков. «Около войны». 1914–1915). – «из-под конских копыт, шипя, летели брызги и комья, подреза полозьев чертили глубокие борозды» (ТД: 6, XXVII, 191). По НКРЯ уникальное.

– ШЛЁПАТЬ В ЛАДОШИ

«–...Смеются, в ладоши шлепают» (Крюков. «В гостях у товарища Миронова». 1919). – «радостно шлепала в ладоши маково-красная Дуняшка» (ТД: 6, XIII, 119). По НКРЯ первая ссылка на Крюкова.

– ШУМ НА МАЙДАНЕ ЗАМЕТНО НАЧАЛ ПРИТИХАТЬ. ОН ПОХОДИЛ ТЕПЕРЬ НА ЖУЖЖАНИЕ ПЧЕЛ В УЛЬЕ/МАЙДАН, КАК ПЧЕЛЬНИК, ПОЛНИЛСЯ ТИХИМ ШУМОМ

Идиллический толстовский образ «роевой жизни» оспаривается в прозе Крюкова. «Было уже не рано, а полковник все еще не показывался из станичной избы. Шум на

майдане заметно начал притихать. Он походил теперь на жужжание пчел в улье, которые начинают мало-помалу успокаиваться после какой-нибудь тревоги, когда весь рой вылетал поспешно из улья и грозно гудел, готовясь к защите. Небольшие группы – человек в пять, шесть, наскучив ожиданием, отделялись и направлялись к кабаку, который находился неподалеку, сейчас за углом проулка» (Крюков. «Шульгинская расправа»). – «Председатель ревкома что-то смущенно говорил ему, сотник слушал, чуть нагнувшись, склонив к председательской бороде большое оттопыренное ухо. Майдан, как пчельник, наполнился тихим шумом. Казаки переговаривались, шутили, но лица у всех были напряженные» (ТД: 5, XXIII, 340). Совпадение многократное (1. Шум. 2. Майдан. 3. Притихать – тихий. 4. Пчельник – пчелы), а потому не может быть случайным. В «беловой» рукописи еще ближе: «Майдан, как пчельник, [брунжал] наполнился тихим шумом. Казаки переговаривались, шутили, но лица у всех были напряжены» («Беловая». С. 125).

См. однако «Народу на вокзале в Ростове – рог с рогом. Пол по щиколки засыпан окурками, подсолнечной лузгой. На вокзальной площади солдаты гарнизона торгуют казенным обмундированием, табаком, крадеными вещами. Разноплеменная толпа, обычная для большинства южных приморских городов, медленно движется, гудит» (ТД: 5, IV, 211).

В данном случае переписчик, видимо, принял выражение рой роем за поговорку рог с рогом. (См. у Крюкова в очерке «Цветок-татарник». См. также в газетной заметке Шолохова «Преступная бесхозяйственность» (1932):

«В Вешенском районе около тысячи телят за неимением базов разместили в землянках, где некогда жили выселенные кулаки. Разместили так плотно, что на один квадратный метр приходилось четыре теленка. Без притока свежего воздуха, рог с рогом стояли они в землянках (стоят и до сих пор), в оттепель затопляемые водой, в сухую погоду задыхаясь от собственных испарений...»).

– ЩЕГОЛИХА И ЕЕ ПЛАТОК

«И голуби в вечернем небе кружат, то золотисто-ясные, то черные, как дождевые брызги на голубом платке щеголихи» (Крюков. «Счастье»). – «Была она большая щеголиха и, несмотря на то, что солнце стояло еще низко, лицо закутала платком» (ТД:, 5, XXII, 336).

Расширив каждую из цитат на два абзаца, обнаружим еще параллели:

- низко стоящее солнце (тут утро, там вечер);
- девичьи (бабьи) песни;
- черные дождевые брызги – белые брызги известки.

Заимствование авторской образной системы – доказательство кражи рукописи.

Американский профессор Петр Маргушин⁴⁶ в 1919 г. работал у Федора Крюкова в газете «Донские ведомости». Писатель говорил ему, что пишет роман о вторжении большевиков на Дон. И посылал сотрудника в командировки для сбора материала. Около сорока маргушинских заметок и репортажей опубликованы в второй половине 1919 г. Израильский исследователь Зеев Бар-Селла прислал мне список этих газетных текстов, а Евгений Комаров нашел подшивку газеты и расшифровал⁴⁷.

Письмо профессора Петра Федоровича Маргушина опубликовано в «Новом Русском Слове» 28 сентября 1974⁴⁸:

М[илостивый] Г[осударь] Г[осподин] Редактор!

К вопросу о том, кто автор романа «Тихий Дон», могу сообщить сведения, которые внесут разъяснение относительно авторства этого романа донского писателя Федора Дмитриевича Крюкова.

В сентябре 1918 года мне удалось бежать из Москвы (где я жил) на Дон, в Новочеркасск. Узнал, что редактором областной газеты «Донские ведомости» (официоз донского краевого правительства) являлся Ф. Д. Крюков, известный не только на Дону, но и в России, талантливый писатель-романист, я явился к нему и предложил свои услуги как журналист. Ф. Д. Крюков охотно принял меня в ряды сотрудников газеты и к весне 1919 года назначил ее секретарем.

В разговорах со мной Ф. Д. Крюков не раз делился мыслями о своем новом романе (тогда еще он не говорил о его названии) на тему захвата Дона большевиками. Но чтобы выяснить подробно страшные обстоятельства захвата и насилий кровавого террора большевиков по донским станицам, целью описания всего этого в своем романе, Ф. Д. Крюков командировал меня в конце весны 1919 года в станицы, бывшие очагами большевистских зверств (в станице Константиновской большевики устроили венчание местного священника с кобылой в станичной церкви, в станице Цымлянской повесили священника в царских вратах церкви и т. д.).

Я объездил все эти станицы по течению Дона и дал в газету ряд очерков «По разоренному Дону», которые печатались все лето 1919 года. Ф. Д. Крюков говорил мне тогда, что эти очерки послужат материалом для его романа о «тихом Доне».

Но наступила катастрофа на фронте, и Новочеркасск должен был эвакуировать «Донские ведомости». В те бурные дни начинавшейся тыловой разрухи эвакуация донских станиц происходила хаотически.

Как проводилась эвакуация газеты, какова была участь ее архива, где Ф. Д. Крюков хранил все свои рукописи, мне не было известно, так как я получил его распоряжение отступать с частями войскового снабжения через Кубань к Новороссийску.

В Новороссийске я со скорбью узнал, что Ф. Д. Крюков скончался от сыпного тифа, косившего тогда сотнями ряды отступавших казачьих частей, в которых находился и Ф. Д. Крюков.

О дальнейшей судьбе его рукописей и романа о «тихом Доне» мне не удалось узнать, но нынешние разоблачения Шолохова А. Солженицыным и сведения об истинном авторе романа «Тихий Дон» Ф. Д. Крюкове вполне объясняют и подтверждают литературное воровство Шолохова, в руки которого, очевидно, попали рукописи Ф. Д. Крюкова.

С почтением,

П. Маргушин

---

⁴⁶ Евгений Комаров установил, что Пётр Фёдорович Маргушин (18.08.1895–1.05.1988) – инженер-строитель, профессор. Сын Ф. Маргушина, офицера русской армии, конструктора колесной походной кухни, участника Первой мировой и Гражданской войн. В 1919 г. Петр Маргушин стал сотрудником «Донских Ведомостей». После Гражданской войны в эмиграции. В 1929-м окончил Технологический факультет (градостроительное отделение) Белградского университета. Воевал в рядах югославской армии. В 1951 г. в числе перемещённых лиц прибыл из Германии в США. Проработал 13 лет в American Electric Company до выхода на пенсию в 1964 г. Публиковал статьи на темы истории казачества и Гражданской войны в различных эмигрантских журналах. Похоронен на кладбище Woodlawn в городе Лейквуд, штат Нью-Джерси

⁴⁷ См. на «Несториане»: Петр Маргушин. Заметки и очерки 1919 г. <https://wp.me/p2IpKD-5rD>

⁴⁸ *П. Маргушин*. Шолохов и «Тихий Дон» / «Письмо редактору». Новое Русское Слово. 28 сентября 1974. С. 5.; *Ермолаев Г. С.* Михаил Шолохов и его творчество. Пер. с англ. Н.Т. Кузнецовой и В.А. Кондратенко. СПб.: Академический проект, 2000.

Добавим к этому: по поручению Войскового Круга Ф. Д. Крюков собирал, записывал и публиковал рассказы восставших вешенцев. И был в Новочеркасске в контакте с Сидориным и всеми теми, кто из Новочеркасска восстание направлял.

Читая репортажи Маргушина, можно убедиться, что Крюков не просто публиковал, но и редактировал тексты своего сотрудника.

Вот концовка одной из заметок Петра Маргушина, описывающей настроение на пароходе с беженцами, возвращающимися к родным гнездам после изгнания красных.

Два абзаца, столь разительно различающихся по стилю:

«...Общее стремление попасть скорее на родимые пепелища заставляет, по-видимому, вскоре хладнокровнее относиться ко всей царящей тесноте, давке и грязи. Вот седой как лунь, длиннородый старик казак с эпическим спокойствием смотрит вокруг на всю сумятицу и начинает скорбно рассказывать о всех ужасах, что творили красные негодяи в его станице, надругавшись над всеми законами божескими и человеческими. Мрачно насупившись, слушают старика молодые, и уже не видно в их глазах, как прежде, ни колебаний, ни пагубной нерешительности, — видны лишь желание мести да ненависть к гнусным носителям интернационального разврата и позора растлѐнной России.

Скорее, скорее туда, к родным хуторам и станицам, быть может, к сожжѐнным отцовским куреням, — а тогда не будет пощады врагу тихого, теперь взбаламученного вольного Дона, сердито гонящего свои разлившиеся воды по широким степям и займищам...⁴⁹»

На правах редактора Крюков дописал в заметку последний абзац, целиком составленный из клише малой прозы Крюкова и мотивов, звучащих в "Тихом Доне". Рука автора «Тихого Дона» очевидна:

СКОРЕЕ, СКОРЕЕ –

– Скорей, Ванечка, скорей... (Крюков. На тихом Дону. 1898).

...скорей, скорей! С-ский полк прорвали (Крюков. Душа одна. 1915).

– Скорей, скорей!.. (Крюков. Мать. 1910).

...скорей, скорей уйти... (Крюков. Полчаса. 1910).

К СОЖЖѐННЫМ ОТЦОВСКИМ КУРЕНЯМ –

...сжигались казачьи курени (Крюков. 29 ЯНВАРЯ 1918– 29 ЯНВАРЯ 1919).

...поглядел руины сожженного и опустошенного родного гнезда, родные могилы ... (Крюков. Цветок-татарник 1919).

...вспоминая о родных степях и реках, о дедовских куренях и дедовских преданиях (Крюков. В глубине. 1913).

...Чем оправдают красные негодяи этот вопль детей, сжигаемых вместе с изнасилованными матерями в разграбленных куренях? (Крюков. Свидетельство документов. 1919).

...к родным куреням (ТД. Кн.3).

...к родным станицам (Крюков. Булавинский бунт. 1890-е).

...к родным углам. (Крюков. Свежо предание. 1918).

НЕ БУДЕТ ПОЩАДЫ ВРАГУ ТИХОГО, ТЕПЕРЬ ВЗБАЛАМУЧЕННОГО ВОЛЬНОГО ДОНА, СЕРДИТО ГОНЯЩЕГО СВОИ РАЗЛИВШИЕСЯ ВОДЫ ПО ШИРОКИМ СТЕПЯМ И ЗАЙМИЩАМ...–

---

⁴⁹ По разорѐнному Дону. I. На пароходе. Донские Ведомости. 13(26) июня 1919 г. № 135. Заметка подписана «Л. Мар.». Леонид Бирюков обнаружил параллель к этому фрагменту в «Тихом Доне»: «...Биться с ними насмерть. Рвать у них из-под ног тучную донскую казачьей кровью политую землю. Гнать их, как татар из пределов области... А теперь – за шашку! Об этом, опаляемый слепой ненавистью, думал Григорий, пока конь нѐс его по белогривому покрову Дона».

...Ни пощады, ни жалости тут не было... (Крюков. Шульгинская расправа. 1894).
...По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия серошинельную кровь. (ТД. Кн. 1).
О Доне: «Теперь там торчали жалкие руины у одного берега и у другого, а между ними шумели сердитые седые валы с белыми гребнями» (Крюков. Группа Б. 1916).
...выехал в степь. Ехали к займищу под горой... – (ТД. Кн.1).
...но пугали две переправы через разлившиеся реки – Медведицу и Дон (Крюков. Выборы на Дону. 1916).
ТИХОГО... ВОЛЬНОГО ДОНА –
песенное. См. во 2 книге ТД: «Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами...».
...Тихая, заснувшая река... неслышно и молча катила передо мной свои воды... (Крюков. На тихом Дону. 1898).

Еще в конце 1920-х Борису Томашевскому и, как утверждала в начале 1990-х Зоя Борисовна Томашевская, всему его кружку (Тынянов, Ахматова, Винокур, Лозинский, Гуковский, Лидия Гинзбург, математик Янчевский) было понятно, что авторский текст «Тихого Дона» испорчен редактурой – правкой, купюрами, грубым дописыванием, и опубликованный текст принадлежит, как минимум, двоим. Автор – из белых, непрошенный его соавтор – из красных. Томашевская пишет: «Что касается Бориса Викторовича, то его больше всего интересовала возможность отслоения текстов»⁵⁰.

О том, что роман написан Ф. Д. Крюковым знал его друг филолог Владимир Феофилович Боцяновский. Зоя Борисовна Томашевская вспоминала:

«Началась война. Блокада. Январь 1942-го. Гостиница «Астория» превращена в стационар для умирающих от голода. В темном и холодном номере лежат шестеро – филологи Владимир Феофилович Боцяновский, Борис Михайлович Эйхенбаум, Борис Васильевич Казанский, Борис Викторович Томашевский и два художника – Дмитрий Исидорович Митрохин и Исаак Моисеевич Рабинович. Томашевский и Боцяновский лежат рядом. Я посещаю их каждый день и всегда застаю в тихой беседе. Через месяц Борис Викторович возвращается домой, где все мы живем в одной комнате в холоде, темноте и бездействии, и Борис Викторович без конца «развлекает» нас услышанным от Боцяновского. Главная тема – «Тихий Дон». Боцяновский рассказывает о своем институтском друге Федоре Дмитриевиче Крюкове, о переписке с ним в последние годы (Крюков умер в 20-м году), о жалобах его на опостылевшую ему военную жизнь⁵¹, которую охотно сменил бы на письменный стол, о том, что полон романом, делом всей его жизни. Действительно, такой плодовитый писатель, как Крюков, с 1912 года не опубликовал ни строчки. И Борис Викторович, Ирина Николаевна снова и снова говорят о самом интересном. О возможности отслоения подлинного текста, к этому времени уже буквально утопающего в несметных и противоречивых переделках. Только с чужим текстом можно было так обращаться. Солженицын эту же мысль выразил сокрушительнее: «Всякий плагиатор – убийца, но такого убийцы поискать: чтобы над трупом еще изгалялся, вырезал ремни, перешивал в другие места, выкалывал, вырезал внутренности и выкидывал, вставлял другие, сучьи» (письмо И. Н. Томашевской от 24 декабря 1972)⁵².

Единственная неточность в этом рассказе – 1912 г. Крюков действительно перестает писать рассказы и повести (всё уходит в роман), но очерков не чурается. Это – другой способ

⁵⁰ Томашевская З. Б. Как и зачем писалось «Стремя».

<http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012211>

⁵¹ Из этих строк следует, что речь идет о 1915–1916 гг. Письма Крюкова Боцяновскому пока не найдены.

⁵² Томашевская З. Б. «Как и зачем писалось «Стремя»

писания, он роману не вредит. Вся проза, созданная за семь последних лет жизни писателя, относятся к жанру нон-фикшн.

В одной больничной палате на соседних койках лежали Борис Викторович Томашевский (1890–1957) и Владимир Феофилович Боцяновский (1869–1943), петербургский друг Крюкова, филолог, историк и библиолог.

Умирали, а потому времени для откровенной беседы у них было достаточно.

Томашевский выжил. И эти рассказы друга поведал жене. Увы, филолог Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (1903–1973) в своем «Стремени „Тихого Дона“» этих рассказов коснуться по понятным причинам не могла: это сразу бы выдало автора с головой. Но, видимо, заметив вокруг себя какую-то нехорошую суету, недописанную книжку (чисто филологическую, а не мемуарную) переслала А. И. Солженицыну. И вскоре трагически погибла в Гурзуфе. После смерти архив ее, как нередко бывает в таких случаях, в одночасье исчез. Книга со вступительной статьей Солженицына вышла в Париже.

Свидетельство Боцяновского подтверждено исследованием И. Н. Медведевой-Томашевской⁵³. К этому же выводу (с той, или иной степенью уверенности) пришли Вяч. Вс. Иванов, А. И. Солженицын, Юрий Трифонов, М. Т. Мезенцев, В. П. Фоменко и Т. Г. Фоменко, А. Г. Макаров и С. Э. Макарова, В. И. Самарин, Алексей Неклюдов и ряд других исследователей. Из работ последних, на мой взгляд, особенно ценны разыскания Игоря Шапа⁵⁴.

Вдова Ф. Ф. Шахмагонова, литературного секретаря Шолохова, призналась, что неопубликованные рукописи Федора Крюкова были доступны Шолохову⁵⁵. Не верили в авторство Шолохова ни Алексей Толстой, ни Виктор Шкловский ни академики Дмитрий Лихачев и Михаил Алексеев. Не верил и Фазиль Искандер: «У меня одно доказательство — психология пишущего. Это совершенно невозможно подделать. Читая «Тихий Дон», чувствуешь, что его писал отнюдь не молодой человек. Его писал очень сильный и очень усталый от жизни человек, которому не менее сорока лет. Защитникам авторства Шолохова надо было бы прибавить ему лет двадцать, тогда их позиция была бы более убедительна.»⁵⁶.

«Страшный петрушка Шолохов» – говорил Нагибин⁵⁷.

---

⁵³ *Литературовед D** [Медведева И. Н.]. «Стремя „Тихого Дона“». Париж, 1974.

⁵⁴ См. на «Несториане» по ссылке 1 наст. статьи.

⁵⁵ См. Римма Шахмагонова. «Вещи и рукописи Крюкова хранились на чердаке Шолоховых» <https://wp.me/p2IpKD-1JG>

⁵⁶ Искандер Ф. А. Думающий о России и американец. М., 1997.

<http://www.rulit.me/books/dumayushchij-o-rossii-i-amerikanec-read-41088-4.html>

⁵⁷ Нагибин Ю. М. Дневник. С. 21

Горячий поклонник Шолохова принстонский профессор Герман Ермолаев упоминает о свидетельстве поэта Дмитрия Морского⁵⁸, утверждавшего, что в начале 20-х годов сестра Крюкова принесла Демьяну Бедному чемодан с какими-то бумагами, имеющими отношение к казакам. Бедный передал их Серафимовичу⁵⁹.

Если допустить, что Шолохов воспользовался черновиками Крюкова, надо предположить существование как минимум двух вариантов протографа, собранных из одновременных редакций – белых и даже черновых. Одну рукопись писатель оставил на хранение своей сестре Марии Дмитриевне с просьбой передать ее в случае его гибели Александру Серафимовичу, тоже выпускнику Усть-Медведицкой гимназии и поклоннику таланта Крюкова. Видимо, сестра просьбу исполнила, и Серафимович рукопись получил.

Другая досталась бывшему атаману Букановской станицы, однокашнику писателя по Усть-Медведицкой гимназии Петру Яковлевичу Громославскому, сопровождавшему Крюкова при отступлении белых к Новороссийску.

Дальнейшая судьба протографа, как мне представляется, такова:

Громославский с помощью своего сына Ивана и двух дочерей переписал имеющийся у него экземпляр по нормам новой орфографии. В издании романа он рассчитывал на помощь своего земляка, писателя Александра Серафимовича. Сам Громославский автором быть не мог (для новой российской власти не то у него прошлое).

На роль титульного автора бывший атаман прочит жениха старшей своей дочери Марии восемнадцатилетнего продинспектора Михаила Шолохова. Для того, чтобы тот согласился сыграть роль автора, юношу пришлось запугать: его поймали на приписках, водили на инсценировку расстрела, но потом выправили справку о несовершеннолетии (исправили год рождения с 1904 на 1905), судили и под конвоем отправили в московскую колонию. Всё дальнейшее было спецоперацией ОГПУ. О том, что Шолохов завербован

---

⁵⁸ Дмитрий Морской – псевдоним Дмитрия Ивановича Малышева (1897–1956). Из крестьян Оренбургской губернии. Русский и мордовский поэт. Участник Первой мировой войны. Во время гражданской войны в Красной армии. На русском и мордовском языках печатался с 1921 г. Первый опубликованный его рассказ «Бедняк Володя» высоко оценил М. Горького. В 1923–1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Познакомился с Есениным, считал себя поэтом есенинской школы. Участвовал в работе первого съезда советских писателей. В 1935–1936 гг. – первый срок отбывал на строительстве БАМа. В издательстве «БАМЛАГ НКВД», выходит его книга «Розовое утро». В 1938–1940 гг. – репрессирован вторично. Сидит в Куйбышевской тюрьме. В 1941–1943 гг. – третий срок на стройках химии в Куйбышевской области. С марта 1943 до марта 1944 – в Советской армии. Тяжелое ранение и контузии в 1943 г. Демобилизован. В 1944-м получил четвертый срок – десять лет. С 1954 г. прикован к постели. Последний год жизни провел в доме инвалидов, недалеко от Бузулука. В 1956-м реабилитирован.

⁵⁹ Ермолаев Г. О книге Р. А. «Кто написал «Тихий Дон»?». Париж, 1975.

<http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?oid=012234&pid=01223411>

чекистами и с 1923 г. работал в Экономическом управлении ОГПУ⁶⁰, свидетельствует записка курировавшего Шолохова на Дону чекиста Степана Болотова (1928 г.).

Из донесения Степана Болотова Полномочному представителю ОГПУ СКК и ДССР*⁶¹ тов. Ефиму ЕВДОКИМОВУ (4 сентября 1928. Миллерово):

«Уважаемый Ефим Георгиевич... Шолохов имеет дом в Вешенском, купленный им недавно, для того, чтобы иметь возможность работать спокойно над романом именно в Вешках, откуда он черпает для своих произведений богатый сырьевой материал. Большею-же частью он живет в Москве с 1923 года и на родину является лишь периодически. В 1923 году работал в 4 отделении ЭКУ ОГПУ** у МИРОНОВА...»

(Цитирую по фотокопиям Пермского «Мемориала». Все снимки из личного архива Болотова. Факсимиле донесения см. на «Несториане» в моей публикации «Крепка, крепка покойница Софья Власьевна. О Чекисте Михаиле Шолохове»⁶²).

Разумеется, такого масштаба спецоперация не могла не быть санкционирована тем, кто жил, как и Демьян Бедный, за стеной московского Кремля.

В 1989 г. московский профессор, доктор технических наук Александр Лонгинович Ильский⁶³ написал письмо журналисту Льву Колодному, где рассказал о своей работе в редакции «Роман-газеты» и знакомстве с Шолоховым в 1927 г.

Вот несколько строк из этого письма:

«В те времена издание чужого произведения под другой фамилией не считалось плагиатом. Да и сейчас...

Шолохов в то время был молодым человеком, он часто бывал в редакции, я много раз с ним говорил, он был скромный, веселый, хороший наездник, но он никогда в разговорах не говорил о Тихом Доне. В редакции мы все знали, что эта рукопись как-то попала к нему. Но что это был не Шолохов, это у нас знали все. У нас в редакции всегда крутилась целая компания так называемых молодых пролетарских писателей, произведения которых никто не печатал. Они, конечно, страшно завидовали Шолохову. Почему выбор пал на него? А не на кого-либо из них?

Я думаю, что большинство из них, не моргнув глазом, согласились бы стать автором «Тихого Дона». Но выбор был сделан, и редакции, и РАПП'у надо было доказывать, что автор Шолохов. Слишком далеко зашла та история...»

---

⁶⁰ ЭКУ ОГПУ – Экономическое управление для ликвидации шпионажа, контрреволюции и диверсий в сфере экономики. Создано в 1923. Начальник – З. Б. Кацнельсон. Его сменил Л. Г. Миронов, с которым Шолохов был в дружеских отношениях.

⁶¹ СКК И ДССР – Северо-Кавказский край и Донская Советская Социалистическая Республика.

⁶² <http://wp.me/p2IpKD-1Ej>

⁶³ Александр Лонгинович Ильинский (1910–1998) – доктор технических наук, инженер-конструктор в автомобильной промышленности (1933–1938); конструктор нефтяного оборудования Нефтемашпроекта (1938–1941), Специального конструкторского бюро Гипронефтемаш (1944–1952), начальник отдела ВНИИБТ (1952–1960); доцент кафедры сопротивления материалов, профессор кафедры машин и оборудования нефтяной и газовой промышленности МИНХ и ГП – ГАНГ им. И.М. Губкина (1960–1997).

Автор более 70 научных работ и 11 изобретений, в том числе книг: «Расчет и конструирование бурового оборудования», «Буровые машины, механизмы и сооружения», монографии «Оборудование для бурения нефтяных скважин» и др. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Награжден медалями «За трудовое отличие» (1953), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), золотой (1962) и бронзовой (1960) медалями ВДНХ.

6 декабря 2017 г. я получил письмо из Москвы от писателя Марка Харитонова:

«Сегодня я нашел у себя запись от 5.1.83. о разговоре с Вяч. Вс. Ивановым. Мы с ним много лет близко дружили, для меня он был Комой. Я упомянул Шолохова (недавно перечитывал первый том «Тихого Дона»). «Кома теперь совершенно убежден, что тут плагиат, и похоже, что Крюков – наиболее подходящая фигура автора „Тихого Дона“. Рассказывал много удивительных подробностей. (Шолохов заботился об уничтожении всех свидетельств и возможных живых свидетелей плагиата. После того, как родственники Крюкова в 1934 г. подали на Шолохова жалобу, их всех арестовали⁶⁴. Это объясняет, почему уже в 1934 г. он объявил о завершении 4-й книги «Тихого Дона», но опубликовал ее только в 1940 году – ждал, пока их не станут. И т. п. Страшный человек). Исследования норвежцев (по поручению шведов) о языке «Тихого Дона», где статистически доказывалось, что это все-таки язык Шолохова, Кома назвал жульничеством... Я вспоминаю, как год назад он говорил на ту же тему более осторожно. Теперь говорил категорически...»⁶⁵

Ну а загадочная роль Серафимовича, земляка и горячего поклонника прозы Федора Крюкова, станет понятна после письма, которое весной 2016 г. я получил от москвича Петра Навашина, Его мать, долгие годы бывшая замужем за Паустовским, рассказала, что в начале 1920-х Серафимовичу предлагали авторизовать «Тихий Дон», и он сгоряча пожаловался на это молодому писателю Паустовскому. И после до конца дней избегал встречаться глазами с молодым коллегой⁶⁶.

В журнал «Октябрь» Серафимович идет работать главным редактором только для того, чтобы напечатать «Тихий Дон». И, напечатав, – увольняется.

Где-то в Балтиморе хранятся записки советского писателя-фронтовика Иосифа Герасимова. Перед войной, он, студент-первокурсник, пришел со своим приятелем в номер к выступавшему в Свердловске Серафимовичу.

Приятель, тоже студент, среди прочих вопросов ляпнул: «А верно, что Шолохов не сам “Тихий Дон” написал?.. Что он нашел чужую рукопись?»

Мэтр сделал вид, что не услышал – потянулся за вторым стаканом молока. А когда прощались, бросил загадочную фразу: «Ради честной литературы можно и в грех войти».

«Только позже, – писал Герасимов – меня осенила запоздалая догадка: он все знал об авторе „Тихого Дона“, но он лгал, считая, что это – во благо»⁶⁷.

Но старый писатель и впрямь преклонялся перед Крюковым. И убедил себя, что принять участие в сталинской игре – единственный способ спасти роман.

---

⁶⁴ Многие были уверены, что гибель Бориса Пильняка (1894–1938) связана не только с его «Повестью непогашенной луны» (1926), но, не в последнюю очередь и с его попытками разоблачить плагиат Шолохова (См. книгу Владимира Самарина «Страсти по „Тихому Дону“». М., АИРО-XX, 2005.) Ходил слух и об аресте группы орловских поклонников Крюкова, осмелившихся протестовать против шолоховского авторства. Про арест родственников писателя мне ничего не известно.– *А. Ч.*

⁶⁵ Цит. с сайта «Тихий Дон». Нерешенная загадка русской литературы XX века»:

<http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=012133&oid=0321>

⁶⁶ См: «Серафимович отказался присвоить «Тихий Дон». <https://wp.me/s2IpKD-navashin>

⁶⁷ Капитолина Кожевникова «Дождички по четвергам», «Вестник», № 19 (330), 2003.

<http://www.vestnik.com/issues/2003/0917/win/kozhevnikova.htm>

* * *

Во времена большого террора Шолохов, проскочивший мимо шестеренок сталинской костедробилки, смог почувствовать себя более-менее спокойно и относительно уверенно. Теперь он не стесняется перед товарищами по партии и в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) с трибуны открывает секрет своего творческого метода:

В частях Красной Армии, под ее овеванными славой красными знаменами, будем бить врага так, как никто никогда его не бивал, и смею вас уверить, товарищи делегаты съезда, что полевых сумок бросать не будем – нам этот японский обычай, ну... не к лицу. Чужие сумки соберем... потому что в нашем литературном хозяйстве содержимое этих сумок впоследствии пригодится. Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били. Книги эти послужат нашему народу и останутся в назидание тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым...⁶⁸.

О том, что сумка была не простая, а с романом знаменитого в начале века казачьего писателя, выступающий уточнять не стал.

М. А. Шолохов не раз отрицал свое знакомство с прозой Крюкова. И не только в устных своих выступлениях перед читателями, но и в переписке:

К сожалению, не смогу быть Вам чем-либо полезен. Дело в том, что я, к стыду моему, не читал Крюкова, и как-то так получилось, что никто из моих старых знакомых-писателей о нем не говорил. Даже Серафимович, который был с ним, судя по Вашим словам, лично знаком. Не упоминал о нем и Горький, хотя по вопросам литературы у меня с ним были длительные разговоры...⁶⁹

Это письмо литературоведу В. М. Проскурину отправлено задолго до выхода книжки И. Н. Медведевой-Томашевской «Стремя „Тихого Дона“».

8 мая 2023

---

⁶⁸ Шолохов М. А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1960. С. 139.

<http://feb-web.ru/feb/sholokh/texts/sh0/sh8/sh8-135-.htm?cmd=0>

⁶⁹ Шолохов М. А. Письмо Проскурину В. М., 18 декабря 1964 г. Вешенская // Шолохов М. А. Письма / РАН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 374.

<http://feb-web.ru/feb/sholokh/texts/shp/shp-3742.htm>

СОКРАЩЕНИЯ

Даль – словарь В. И. Даля

ДС – Большой толковый словарь Донского казачества. М., 2003.

Крюков – Федор Дмитриевич Крюков

НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

ТД – роман «Тихий Дон» (ссылки по тексту на сайте ФЭБ).

ФЭБ – Фундаментальная электронная библиотека. ЭНИ «Шолохов» <http://feb-web.ru/feb/sholokh/default.asp>.

*Андрей Юрьевич Чернов
trezin@yandex.ru*